

Не дареный подарок. Морра

Автор:

[Купава Огинская](#)

Не дареный подарок. Морра

Купава Огинская

Академия Магии Не дареный подарок #2

Тяжела студенческая жизнь. Ох как тяжела! Тут не каждый человек справится, что уж говорить про маленькую безобидную нечисть, волею судьбы и благодаря самодурству директора попавшую в военную академию в качестве студентки.

Вот только Морра не считает себя маленькой и безобидной. Она опасная рагра и еще всем это докажет. Конечно, после того, как разберется с очень неприятной и весьма хищной проблемой, которая почему-то решила ее подзакусить. Невзирая на когти, зубы и высшее образование.

Купава Огинская

Не дареный подарок. Морра

© Огинская К., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава первая. Метательная

Кадеты выходили из портала по одному. Лениво спрыгивали на пол и проходили мимо, не забывая с любопытством коситься в мою сторону.

Я топталась в тени, грызла ногти и старательно не замечала их взглядов. Мои истрепанные за последние недели нервы нуждались в срочном восстановлении, а помочь в этом мог только хозяин. Мой драгоценный хозяин, бросивший меня одну в академии на целый месяц... опять. Гад бесчувственный.

Когда Илис показался на платформе, я бросилась к нему, разрываясь между желаниями его придушить и обнять. До хозяина оставалось всего два шага, когда, поймав насмешливый взгляд, я пришла к выводу, что лучше всего будет задушить его в объятиях, что и попыталась проделать.

Вот только Илис не душился, на ногах стоял твердо и возмутительно мало внимания уделял процессу своего умерщвления. Он был преступно равнодушен, и меня очень тянуло назвать его «хазяином», назначив срок своей нелюбви. Длительностью на пару лет, не меньше. Но Морра не могла себе этого позволить. Морра не была рагрой, Морра была почти человеком. Морру стоило только пожалеть.

А он вот не жалел.

- Морра, я тоже очень рад тебя видеть, но, может, ты меня отпустишь?

- Не могу...

- Так соскучилась? - фыркнул он, предпринимая безрезультатную попытку меня от себя отодрать.

Я не отдиралась и продолжала на нем висеть, почти не касаясь ногами пола.

- Илис, миленький, родненький, а забери меня обратно? Что тебе стоит? Пожа-а-алуйста? Я буду хорошей, я буду тихой, очень примерной рагрой, обещаю, только забери, - задыхаясь от переполнявших меня эмоций, прошептала я.

– Куда забрать?

Тугодумие хозяина просто поражало воображение.

– Себе забери!

– Морра, что-то случилось? – осторожно поинтересовался он, прекратив дергать меня в разные стороны и наконец-то обняв.

– Они спрашивают, и трогают, и спрашивают, и... в виде рагры меня меньше трогали, чем теперь!

– Кто трогает? – угрожающе спросил он.

И я бы обрадовалась и сдала всех с потрохами, даже список бы составила, чтобы Илису было проще с ними разбираться. Останавливало лишь осознание того, что девушек он бить не будет. Хотя небольшая надежда все же имелась, потому я призналась:

– Одногогруппницы!

Выпустив из захвата шею и утвердившись на полу, я с надеждой взгляделась в его лицо, но того, что хотела, так и не увидела.

Илис молчал, Илис был в шоке, Илис готовился бессовестно ржать.

– Тебя трогают твои одногогруппницы? – переспросил этот гад, и губы у него подрагивали, стремясь растянуться в улыбке.

– И вопросы задают: как мне в лесу жилось, почему у меня такие интересные уши, как я добилась такого цвета глаз и каким шампунем пользуюсь. – Запнувшись в конце, я трагично взмолилась: – Илис, спаси!

И он заржал. Генерал понимающе ткнул лбом мне в бедро, выражая сочувствие. Даже после того как научился говорить, он предпочитал молчать и слушать. Просто мужчина мечты, как сказала бы Атави – одна из моих одногогруппниц. Самая невыносимая из всех.

– Не напомнишь мне, Тайс, встречали меня когда-нибудь с практики хоть в половину так же радостно? – ехидно спросили за спиной, спасая хозяина от неминуемой расправы.

Керст стоял всего в нескольких шагах от нас, покачиваясь с пятки на носок, и выглядел очень довольным. Сильно потрепанным, с перевязанной до локтя рукой, но совершенно, просто абсолютно счастливым. А у ног его черной лентой развалился Кадай, и выглядел аспид измотанным и злым, в отличие от своего хозяина.

– Его раньше тоже так радостно не встречали, – проворчал рыжий, топтавшийся рядом со своим котом.

Энарик, с легкой руки Кадая после громких и очень негодующих воплей Тайса ставший Риком, сидел прямо на холодном полу и с остервенением вылизывал левый бок. Остальное его совершенно не волновало.

– А его и сейчас никто не встречает, – злобно прошипела я, возмущенная поведением хозяина.

Илис продолжал посмеиваться и на меня смотрел со снисходительной жалостью.

Если бы я с ним и дальше жила, то этой ночью на одну пару сапог у него стало бы меньше. Но директор отселил меня на другой этаж, и Илис снова стал полноправным хозяином своей комнаты.

– Да уж мы видели, как ты ему на шею бросилась, – беззлобно усмехнулся Керст, бесстрашно встретив мой гневный взгляд.

Одернув жилет, синенький, не так давно приобретенный, но уже ответственно мною заношенный, я гордо вздернула нос, пытаюсь определить, как стоит на все это реагировать.

– Пойдем, – велел Илис, приобняв меня за плечи, – отведем Рована в виварий, и ты расскажешь, как сильно по мне скучала.

За прошедший месяц хозяин, видимо, забыл, что в этом ужасном человеческом теле мой характер совсем испортился, и со мной нельзя так обращаться. Нервы ни к черту, хронический недосып, да еще это буйство женских гормонов, которых во мне, судя по всему, паре ведер и небольшая кастрюля, делали из меня не запуганную маленькую рагру, а кровожадное, страшное чудовище – такую пушистую, зубастую ужась, которую за хвост лучше не дергать.

А хозяин вот дергал, самозабвенно и бесстрашно, и рисковал в скором времени получить по заслугам. Мне, как девушке (слово-то какое страшное) нервной и впечатлительной, были свойственны вспышки агрессии, о которых хозяин пока не знал.

Я бы о них тоже ничего не знала и очень тяжело переживала свою непонятную неуравновешенность, если бы не Кадай, дружелюбно просветивший меня на эту тему.

Его это вживание в человеческое тело настигло почти десять лет назад, воспоминания изнасились, но не утратили былой яркости, и он во всех подробностях и ненужных деталях обрисовал мои печальные первые пару лет, когда хищник, заточенный в человеческом теле, будет рваться наружу, а не находя выхода – беситься. И пусть я не хищник, но дури во мне, как оказалось, тоже много, что делало процесс полного очеловечивания очень мучительным.

Первые месяцы, когда рагрой я была больше, чем человеком, все казалось не таким уж и сложным. Но теперь, когда в последний раз в рагру я превращалась три дня назад и на тридцать минут, человеческий облик казался совершенно неудобным, ненужным и невыносимо чужим.

– Илис, я так долго не протяну. – Вцепившись в его рукав, я семеняла следом и с тоской посматривала на широкое плечо. А ведь когда-то я на нем сидела... – Быть человеком просто ужасно.

– Ты это уже говорила.

– И ты обещал, что все изменится к лучшему! – Выдержав недолгую паузу, я мрачно выдохнула. – А ничего не меняется.

Илис молчал долго. Мы успели дойти до вивария, и только там, открыв передо мной дверь, он спросил:

- Отец что-нибудь говорит?

- Успокоительное предлагает.

Генерал неодобрительно фыркнул. Несмотря на то что он был согласен с директором и требовал, чтобы я училась и привыкала к человеческой жизни, сложившаяся ситуация ему не нравилась.

- А ты?

- Не буду я пить успокоительное. Оно на меня странно действует.

- Чем я могу помочь?

- Хочу обратно в рагры, не хочу больше быть человеком.

Виварий был все так же малолюден, тих и неожиданно уютен. Проходя мимо вольеров, я поймала себя на мысли, что готова была бы здесь жить.

Вот только Илис совсем не хотел брать назад наглую и очень вредную горную нечисть.

- Потерпи, - велел он, запуская линорма в вольер.

Хозяин был занят и не мог видеть, как меня перекосило от его слов. Потерпи... Легко сказать, а как мне терпеть, когда терпелка уже давно сломалась? Еще немного и, вполне вероятно, появятся жертвы.

- Меня не жалко, так хоть студентов пожалей, - предприняла я последнюю попытку. - Я же загрызу кого-нибудь.

Генерал насмешливо рыкнул, обозначая свое отношение к моим словам. Я была совершенно неопасной нечистью, даже в человеческом виде, и все об этом

знали. И директор, и хозяин, и Илли, и даже Рован, не говоря уже о Кадае, который не упускал случая самолично напомнить мне о моей слабосильности. Студенты могли спать спокойно: бешеная Морра им была не так уж и страшна.

– Морра... – Илис был очень серьезен, когда взяв за плечи и проникновенно заглядывая в глаза, с полной верой в свои силы попытался меня подкупить: – Я обещаю, если ты продержишься до зимы и сможешь сдать сессию, я возьму тебя в горы на все зимние каникулы. Там ты сможешь круглые сутки быть рагрой. Успокоишься, отдохнешь, наберешься сил...

– Чтобы по возвращению снова страдать?

– Всего три года.

Погладив меня по голове, он уверенно произнес:

– Ты справишься.

Я в этом сильно сомневалась, но все равно сдалась.

– На зимние каникулы в горы, – повторила угрюмо, чувствуя себя очень героической личностью. – Хорошо.

Такая смелость, такая жертвенность... такая дурость, если честно.

Илис разулыбался и, в порыве нежных чувств, совсем не свойственных суровой натуре боевых магов, чмокнул меня в лоб.

Я посчитала это недобрым знаком и приготовилась отбрасывать лапы.

А хозяин мог бы научиться и в щеку целовать. Обитая в среде студентов, я легко переняла всех их тараканов. Включая нездоровую суеверность вечно замученных некромантов. От них же и узнала, что в лоб целуют только покойников, черная кошка к беде, а неупокоенный мертвяк к пересдаче.

* * *

«Люди – несчастные, замученные, вынужденные постоянно страдать создания» – так думала я, сидя на лекции по травничеству и пытаюсь понять, зачем им нужно столько бесполезной информации.

Если повсеместно используются простонародные названия растений, то к чему зубрить еще и их обозначения на мертвом языке? Или для чего мне разбираться в разновидностях селеры, если все ее виды используются только в лечении желудка? Или...

– Драгхар! – рявкнул профессор Ивс Талэни, хлопнув ладонью по столу. Тщедушный и совершенно безобидный на первый взгляд, он был громок, злобен и невероятно злопамятен.

А я, по своей рагровской наивности, на первом же занятии попыталась качать права, задавать глупые вопросы и, как утверждал сам профессор, «строить из себя специалиста», за что теперь и огребала почти каждую пару.

На самом деле права я не качала, а все мои глупые вопросы были очень умными, потому что я, в отличие от профессора, ничего не смыслила в травничестве, но лекарственные растения знала неплохо, всю жизнь полагаясь в выборе нужных мне трав на обоняние и интуицию, которая у нечисти, как правило, очень хорошо развита.

– Я могу узнать, чем вы занимаетесь?! – не сбавляя громкости, поинтересовался Талэни. От его голоса стекла в оконных рамах дрожали, потревоженные сокрушительной силой звука, таящегося в столь тщедушном создании.

– Слушаю лекцию.

– Прекрасно! – Если судить по покрасневшей морде его лица, ничего прекрасного он не видел и нагло врал. Нагло и очень громко. – В таком случае будьте любезны, повторите, что я только что сказал?

– Э-э-э... что вся ценность девясила заключается в корне и корневище, и что лепестки его цветков, которые некоторые лекари добавляют в настои, не имеют никакой лекарственной силы и призваны лишь придать отвару привлекательный вид, а в большом количестве являются даже опасными для здоровья...

- Достаточно, - отмахнулся он от меня, немного успокоившись и возвращаясь к лекции.

И все-таки люди очень несчастные создания! Очередное подтверждение этому я получила после пары, в коридоре.

- Морра! - Ная, будто бы караулившая под дверью аудитории, была, как всегда, очень рада меня видеть. Первое время меня это настораживало, потом удивляло, теперь немного раздражало.

Ная была слишком бесцеремонной, чтобы обращать внимание на чужое недовольство. К сожалению, ее нельзя изменить, с ней можно только смириться. И я смиренно встретила и ее объятия, и громкий смех над моим ухом. И собиралась выдержать еще многое.

- Ты же одна живешь?

- Ну... - Меня прекратили тискать и потащили по коридору, крепко держа за руку. Ладонь у нее была горячей, пальцы сильными, а хватка костедробильной. - Да.

- Тогда я поживу у тебя недельку?

- Что?

- У вас же комнаты на двух студентов рассчитаны, - бойко заговорила она. - Вторая кровать у тебя есть, но соседки нет, а мне нужно на недельку, максимум на две, переселиться куда-нибудь из своей комнаты.

- Зачем?

Теперь-то я поняла, что тащили меня в общежитие, не давая возможности отказать или - сбежать.

- Один гад мне дверь зачаровал. Теперь без боя ни в комнату не попасть, ни выбраться из нее. Я пыталась плетения взломать, но куда там. Каждый день

прорываться к себе я просто не смогу.

- А если к директору обратиться?

Я, как нечисть, привыкшая к постоянному присутствию Аррануша в своей жизни, не поняла, почему Наю так ужаснуло мое предложение.

- Ты с ума сошла? Придется же объяснять, кто и за какие заслуги мне мстит.

- А тебе, значит, мстят? - ехидно переспросила я.

Подарив мне возмущенный взгляд, моя навязанная соседка (а отвязаться от нее уже не получится, факт) дотащила меня до нужного этажа, где какая-то бледная первокурсница топталась около двух сумок, затравленно оглядываясь по сторонам.

- Спасибо, - Ная широко улыбнулась, демонстрируя острые, очень оборотнические - клыки, - можешь идти.

Запуганная девица сбежала, бросив на меня сочувственный взгляд.

- Ты что с ней сделала?

- Просто попросила присмотреть за вещами, - беспечно пожала плечами Ная.

Я почему-то была уверена, что это не вся - правда.

- И?

- Она отказалась, пришлось уговаривать.

Ная улыбалась, а я очень отчетливо поняла, что не хочу знать, как именно она ее уговаривала.

Мамочка моя пушистая, и вот с ней вот встречался хозяин! Как он только выжил-то? А как выживу я? И выживу ли?

– Ну что, пошли. Покажешь, где я буду жить.

Теперь почему-то даже мысли о неделе в горах больше не спасали. Оно того не стоило. Вот вообще ни разу.

А так как страданий моих короткий отдых за пределами академии тоже не стоил, я решила не трепать себе нервы и сдать город врагу. То есть комнату оставила Нае, а сама, быстренько собрав все необходимое, пока оборотница принимала душ, побежала к хозяину.

– Я требую меня приютить! – Мой громкий вяк поддержала дверь, хорошенечко грохнувшись о стену.

Илис, до этого читавший на кровати книгу, подскочил и уставился на запыхавшуюся решительную меня, прижимавшую к груди свои пожитки.

Да, я сбежала из своей собственной комнаты, но едва ли кто-то мог меня за это осудить. Я не могла жить с посторонним человеком, я еще не настолько обвыклась в этой их студенческой среде, чтобы чувствовать себя комфортно в замкнутом пространстве наедине с кем-то. Конечно, за исключением Илиса. Но его я посторонним человеком не считала, он же был моим замечательным хозяином.

– Ты что здесь делаешь?

Мне как будто оказались не рады.

– Ная заняла мою комнату, теперь я буду жить с тобой.

Илис жить со мной не хотел, а потому пошел разбираться.

В итоге я оказалась сидящей на своей кровати, в своей комнате, сумка с вещами была закинута в шкаф, а Илис, выслушавший душещипательный рассказ Наи, пообещал ей серьезно поговорить с шутниками и ушел, тяжело глянув на прощание.

– Жалко все-таки, – вздохнула Ная, рассеянно уставившись на закрытую дверь.

– Жалко?

Мне вот, например, очень жалко, что хозяин у меня такой непробиваемо дубовый, а она-то о чем жалеет?

– Жалко, что он не встретил тебя на два года позже, – вздохнула она.

– Ты никого еще не нашла себе, – догадалась я.

Ная, мученически простонав, упала на кровать рядом со мной.

– Был бы у тебя брат, – пробормотала моя соседка по комнате.

Соседка...

* * *

Утешая себя тем, что это всего на неделю, максимум на две, я прожила с Наей в одной комнате почти месяц. И это было очень трудное время. Но все стало только хуже, когда я поняла, что возвращаться к себе она не хочет.

Илис, как исключительно талантливый дипломат, поговорил с защитниками и всей силой своей убедительности заставил их снять заклинание с двери оборотницы. Потом, конечно, он пришел к Нае и заставил ее выслушать почти часовую лекцию о том, как нехорошо издеваться над второкурсниками, особенно когда они защитники и просто дать в морду не могут. Зато могут вот так вот, при помощи своих знаний и хитрости, усложнить жизнь врагу.

Во время всего этого монолога я сидела рядом с Наей, которая потребовала от меня моральной поддержки, хотя сама просто прикрывалась моим несчастным телом от недовольства Илиса.

Вот именно тогда и стало ясно, что между собой что-то не поделили Ная и парочка защитников. Но огребла за всех почему-то я, так как оборотница теперь

жила у меня и не собиралась съезжать, даже узнав, что может возвращаться в свою комнату.

- Морре же здесь одиноко, - уверенно сказала она Илису.

Я честно пыталась отказаться от такого подарка судьбы, но Ная была неумолима, а хозяин просто не рискнул вмешиваться.

Жизнь моя не спешила налаживаться.

* * *

- Морра, одолжишь мне это платье?

Крутясь перед зеркалом, оборотница прижимала к себе белое платье, одно из тех, что я еще не успела ни разу надеть, предпочитая штаны.

- Бери, - пробормотала я, силясь проснуться.

Приходилось учиться в два раза больше обычного студента, и это серьезно сказывалось на моем состоянии. Я, конечно, была очень сообразительной и выносливой рагрой, но каждодневная зубрежка до трех часов ночи в скором времени могла подкосить и мое здоровье.

- А ты что наденешь?

Я еще даже не совсем понимала, как встану и доковыляю до умывальни, а она задавала такие сложные вопросы. Спросонья я была немного заторможенной, хотя у меня, как у рагры, раньше таких проблем не наблюдалось.

Полюбовавшись недолго на мое сонное и помятое лицо, она доброжелательно предложила:

- Давай я тебе подберу что-нибудь.

Я только вяло пожала плечами, соглашаясь с ее предложением. Нае понадобился месяц, чтобы осознать, что девушка я не просто дикая, но еще и не очень женственная, и мне просто жизненно необходима ее помощь.

В итоге комнату я покидала обряженная в платье очень вкусного кремового цвета, со сложной косой и плохим настроением. Отбиться от – желаний Наи меня еще и подкрасить удалось с трудом.

Зато Керст оценил мой внешний вид, и хозяин, кажется, одобрил, что немного мирило с тиранией такой милой на первый взгляд оборотницы.

Очень быстро Ная отучила меня заплетать – небрежную косу прямо из нерасчесанных волос, уговорила чаще носить платья, а через некоторое время, почувствовав свою абсолютную безнаказанность, смело разложила на моей кровати какие-то баночки и оловянные тюбики, – заявив:

– Сегодня у нас вечер ухода за собой.

– Чего?

Это был кошмар, ужас и какая-то дрянь по всему телу.

– Морра, вот чего ты как дикая? – возмущенно пыхтела Ная, пытаясь стянуть с меня рубашку. – Раздевайся, будем зону декольте... ай!

Кажется, я заехала ей лбом в нос, но даже не подумала извиниться. Наверное, зря. Лучше бы извинилась, может, тогда бы Ная не озверела, а на моей рубашке осталась хоть одна не оторванная пуговица.

– Ты у меня еще станешь красавицей, – угрожающе прошипела эта ненормальная. Словно это не она всего несколько месяцев назад восхищалась ровным тоном моей кожи, волосами и чем-то там еще.

– Меня и так все устраивает! – шипеть я умела не хуже ее.

– А Илиса нет! – рявкнула она.

Я опешила и перестала дергаться, позволив размазать по шее прохладную, противную, зеленоватую и полупрозрачную субстанцию.

– А ты откуда знаешь?

Она не ответила, сноровисто поменяв баночки и растерев белую густую массу уже по моему лицу.

Этим вечером о девчачьих развлечениях я узнала много нового.

* * *

– А потом она заставила меня полчаса ходить со всей этой гадостью на лице, утверждая, что это очень полезно для кожи и я должна быть ей благодарна. И еще обмазала мои волосы каким-то маслом, чтобы через час заставить все смывать. И какие-то жуткие ванночки для рук делала. И... и... и...

Задыхаясь от возмущения, я уже давно перестала гладить генерала, невидяще глядя перед собой. Конечно, по ощущениям состояние волос и кожи несколько улучшилось, но мне все равно не давали покоя воспоминания о вчерашнем – кошмаре.

– Привыкай, – велел безжалостный Кадай, которому точно не приходилось участвовать во всех этих маленьких женских радостях.

Уход за собой... Да мне всю жизнь хватало одного вылизывания в сутки, чтобы чувствовать себя прекрасно!

– Возможно, это к лучшему, – Рик лежал чуть поодаль, растянувшись на песке во всю свою длину, – научись быть девушкой.

– А сейчас я не девушка? – Возмущение мое было таким... человеческим.

– Сейчас ты очень дикая, – приоткрыл один глаз кот, – неправильная девушка.

Вот вам пожалуйста. Пришла за поддержкой называется.

- Потерпи, - глухо рыкнул линорм, - может, она съедет.

- Не съедет уже, - проворчала я, завалившись назад. Потолок в вольере очень правдоподобно притворялся небом. Затянутым тучами, серым небом.

- Кадай! - Громкий голос Керста нарушил ленивое молчание, царившее в вольере.

Аспид раздосадованно зашипел, но послушно пополз на выход. Такой смирный, послушный, исполнительный змей.

Проводив его взглядом, Рик дернул задней - лапой.

- Надеюсь, Тайс с ним не пришел.

Тайс не пришел, как и Илис. Зато спустя часа два, можно сказать, глубокой ночью, нагрянула рассерженная Ная.

Я дремала под боком у генерала, удобно устроив голову на илистом коте, и совсем не хотела возвращаться в общежитие. Зато этого хотела моя властная соседка. Она пыталась найти меня у Илиса, который и сдал мое местоположение. Не поленившись, Ная пришла и с удовольствием рассказала о том, как она обо мне беспокоилась и как искала, после чего, не церемонясь, за шкуру подняла на ноги и рявкнула на кота, требуя, чтобы он убирался к себе и можно было закрыть вольеры.

- Какая женщина!

Щуря наглые желтые глаза, Рик с достоинством удалился.

Построив всех, Ная, гордая собой, потащила меня прочь из вивария.

Моя жизнь никогда не была простой, но в последнее время стала уж слишком проблемной.

Глава вторая. Неестественная

В свою комнату Илис вернулся в одиннадцатом часу ночи, что лично меня очень воз-мутило.

– Свет-то зачем было включать? Тут же люди спят, между прочим, – проворчала я, натягивая одеяло повыше и отворачиваясь к стенке.

– Морра?

Я молчала, собираясь продолжить то, что так бессовестно прервал Илис – мой здоровый, крепкий сон.

– Морра. – Беспомощная констатация факта. – Ты что здесь делаешь?

Какой все-таки непонятливый у меня хозяин. Вот что может делать девушка в его кровати – ночью?

– Сплю.

– Ты опять?

Это был уже не вопрос, скорее, обвинение в каком-то злодеянии.

А мне все равно, что он там думает. Если ему так не хочется спать со мной в одной кровати, то пускай занимает мою... Если Ная с нее уже уползла.

– Сегодня я к себе не вернусь!

Илис крадучись, словно чего-то опасаясь, приблизился и осторожно опустился на край кровати.

– Вредничаешь?

Резко стянув с головы одеяло, я молча села. У меня просто слов для возмущения не было.

– Морра?

– Ная напилась, – сухо сообщила я и после секундного колебания подползла к хозяину поближе, опустив лохматую голову ему на плечо. – Сегодня она оплакивала свою тяжелую женскую долю и пыталась спить меня.

Илис принялся, уткнувшись носом в мои волосы. Его желание уловить запах алкоголя, конечно, успехом не увенчалось, потому что пытаться-то Ная пыталась, но я хорошо представляла себе, что со мной будет после первого же стакана. Потому подливаемая мне в стакан граппа отправлялась в кадку фикуса – мир его корням – а я оставалась стопроцентно трезвой и совсем не веселой.

– А когда вторая бутылка закончилась, полезла целоваться.

– Что?!

– Сказала, что раз у меня брата нет, то и я подойду. – Запнувшись, тихонечко добавила: – Еще сказала, что все мужики козлы, недостойные ее внимания.

Илис тихо засмеялся, заметно расслабившись.

– Ясно.

– Что тебе ясно?

Как выяснилось, ясно ему было то, что завтра полнолуние, а Наяра поссорилась с очередным поклонником. Об этом мне сообщили с беспечной улыбкой, укладывая в кровать.

– Проспится и придет в норму, – пообещал Илис. – А ты сегодня, так уж и быть, можешь остаться у меня.

Хотя о своем решении он очень скоро пожалел, о чем не поленился сообщить мне, растолкав среди ночи.

Сначала я не могла понять, что происходит, где я и зачем меня будят, а уж когда поняла, очень возмутилась.

- Ты озверел?

Попытка спихнуть Илиса с кровати успехом не увенчалась. Меня скрутили и возмущенно зашипели в волосы:

- Ты дерешься во сне!

- Ничего не знаю. Это все от стресса и - постоянного нахождения в человеческом об-лике. Я теперь нервная, ранимая и впечатлительная.

Хозяин притих и ослабил хватку, чем я и воспользовалась, повернувшись к нему лицом и требовательно боднув лбом в грудь:

- Меня нужно оберегать и жалеть.

Он лежал и молчал, сраженный таким откровением, я же решила не требовать от него героических поступков прямо сейчас. Вполне достаточно было того, что под боком у хозяина мне спалось значительно лучше, чем в своей холодной постели.

Правда, спалось лучше только мне. Илиса же поутру самого хотелось пожалеть, таким несчастным он выглядел, и за завтраком смог составить Нае компанию, поддерживая ее помятый вид своим невыспавшимся.

- Я-то понятно, почему ужасно выгляжу, - самокритично просипела оборотница, сжимая в руках кружку зеленого чая. Опустив тяжелую голову на стол, она закрыла больные глаза. - А у тебя что случилось?

- Морра случилась, - коротко ответил Илис, покосившись на абсолютно довольную жизнью меня.

Я чувствовала себя просто прекрасно. Отдохнувшая и резко подобревшая, даже не стала обижаться на наезд хозяина, с аппетитом доедая кашу и не обращая

внимания на несчастные взгляды оборотницы.

Ная не хотела есть, Ная хотела сдохнуть.

И наверное, чувствовала бы я себя прекрасно весь день, не случись после обеда пары по неестественности.

Занятия у профессора Эльсар начались у нас со второй половины первого семестра, и это, наверное, хорошо. Если бы мне пришлось терпеть ее присутствие с самого начала, я бы точно не дожидаясь до зимней сессии. А так мои шансы были достаточно высоки.

Профессор меня не узнала. Я поняла это еще на самом первом занятии, когда, скользнув по всей нашей группе равнодушным взглядом, ни на ком подолгу не задерживаясь, она велела тихим, ровным голосом, от которого лично мне хотелось куда-нибудь спрятаться:

– Рассаживайтесь.

– Говорят, у нее невозможно сдать зачет с первого раза, а у нас кроме зачета еще и экзамен. Представляешь, что будет?

Рядом со мной, за самой задней партой, присела Атави – невысокая, полная блондинка со странными белыми глазами. Среди первокурсников ходил слухок, что в предках у нее есть целая настоящая ведьма, и связываться с ней не стоит.

Как утверждали слухи, Атави просто мастерски умела глазить и проклинать. Я же пока – могла с уверенностью сказать только одно – она – точно умела часами болтать без умолку. И ей для этого даже не обязательно нужен был слушатель.

Я молча вытащила тетрадь и деревянный пенал. Раньше он был совершенно обычного цвета – такое себе светлое дерево, береза или что-то в этом роде. А потом его увидела Вела. С тех пор пенал успел обрасти кучей выжженных на поверхности черепов разного размера и степени проработанности.

Вела умела прекрасно рисовать, вот только некромантская натура не позволяла ей опускаться до таких банальных вещей, как цветы или там бабочки. Потому

пенал мой украшали черепа, скелеты и куча рун мертвого языка, которым Вела пользовалась во время своих ритуалов.

Атави неодобрительно посмотрела на это некромантское издевательство, прошлым вечером пополнившееся еще одним новым, ухмыляющимся черепом.

- Ты до сих пор его таскаешь? - неодобрительно покачала головой она. - Купила бы новый давно.

- Зачем? Этот же удобный.

- А черепа? - шепотом возмутилась она.

Все расселись по своим местам, в аудитории наступила тишина, и возмущаться громко уже было нельзя. Я просто пожала плечами. Меня все устраивало.

- Сегодня у нас первое занятие. - Обведя взглядом притихших студентов, профессор села за свой стол и уже оттуда продолжила: - Поэтому сначала мы определим уровень ваших знаний.

Меня ее слова совсем не обрадовали. Я уже как-то продемонстрировала свои знания в этой сфере директору, за что теперь и расплачивалась. Решив еще тогда, что не буду нарываться, я предпочитала помалкивать на ее занятиях и не привлекать ненужного внимания. Так и жила, виртуозно умудряясь получать неплохие оценки и не обращать на себя внимание профессора.

- Сумки оставьте здесь и идите за мной, - велела Эльсар.

- Не нравится мне это, - прошептала Атави. - Куда она нас ведет?

Я не знала, да и никто не знал. Потому очень напряженные и подозрительные, еще не закаленные первокурсники, мы опасливо семенили по коридорам вслед за уверенно шагавшей Эльсар.

Коридор, лестница, еще один коридор, темнее и уже, лестница в четыре ступени и знакомый мне зал с закопченными стенами.

Нас ждали. Два аспиранта-боевика в компании своей нечисти вежливо поздоровались с профессором, как-то очень неестественно выпрямив спины и развернув плечи.

Выставив нас перед возвышением портала, Эльсар сухо сообщила:

– Сегодня вас ждет первое выездное занятие. Отправляемся к Таласским озерам, изучать нечисть в естественной среде обитания.

Студенты приободрились, некоторые даже заулыбались. Мне же, в отличие от них, очень захотелось как-нибудь незаметненько сбежать. Я не хотела к озерам, потому что у воды всегда жили велвесы. И у меня, как у рагры, не было никакого желания встречаться с этими чешуйчатыми гадами. Вот только Морра была человеком и не должна была бояться мирную и вполне безобидную нечисть, питающуюся всякой мелкой живностью. Кроликами там, тарсами, белками... раграми.

Проход открывал хозяин самодовольной атальской нирвы – дальней родственницы юща.

И пока он с сосредоточенным и крайне важным видом занимался телепортационной площадкой, в моей голове билась одна паническая мысль, надежно вытеснившая все остальные: я там буду без хозяина. Одна. Опять.

Символы, вплавленные в поверхность плиты, вспыхнули, переход был активирован...

Потерев запястье, на котором, надежно скрытая кожаным браслетом, белела вязь подчиняющего плетения, я неловко вскарабкалась на платформу, проигнорировав протянутую руку одного из аспирантов. Я боялась и мало что замечала вокруг.

Конечно, Илис и сам очень часто пропадал из академии, бросая меня одну, но рядом всегда были Аррануш с Илли, Вела и даже неугомонная Ная. За мной всегда было кому присмотреть. А сейчас кто за мной присмотрит? Эльсар?

– Все готовы?

Нестройное «да-а-а» потонуло в тихом гудении. Пространство на секунду схлопнулось, взорвавшись перед глазами коротким мигом – абсолютной темноты, а в следующее мгновение мы уже стояли на укрытой опавшими листьями платформе. Среди деревьев. В лиственном лесу.

Тряхнув головой в стремлении избавиться от тонкого звона, забившего уши, я с неудовольствием отметила, что у Керста перемещения выходили значительно лучше.

Меня легко хлопнули по плечу.

– Потерпи, сейчас все пройдет, – пообещал улыбчивый парень, рядом с которым стоял темненький, лохматый ивст. – В первый раз всегда трудно.

Первый раз. Х-х-ха! Просто кое-кто не умеет открывать переходы.

Вымученно улыбнувшись, я тихо поблагодарила за заботу, оставив свое мнение при себе. Аррануш мною бы гордился, веду себя как настоящий человек.

– Меня Йонге зовут. – Аспирант был очень вежливым, помог спуститься с платформы и продолжал топтаться рядом.

– Морра, приятно...

– Построились!

Эльсар не кричала, хотя ее голос, казалось, было слышно даже у озер, до которых идти пришлось добрых двадцать минут.

Но мы не скучали, пока шли. Профессор развлекала нас сведениями об обитающих в этих местах представителях нечистого семейства.

– Вельвесы, насколько вы знаете, полухищная нечисть. Рацион их весьма широк, начиная от кореньев и заканчивая рыбой. Также способны съесть такое мелкое животное, как кролик, чаще мышь. Предпочитают фрукты и ягоды, гнездятся в зарослях у озер и рек. Помет составляет от шести до двадцати щенков.

– Не бойся ты так, – с улыбкой прошептал Йонге, заметив, что я опасливо оглядываюсь. – В этих кустах хищная нечисть не водится. Здесь даже обычного волка не найдешь. Абсолютно безопасное место.

Ивст его уже давно скрылся в зарослях, желая сполна насладиться обманчивым ощущением свободы и оставив своего хозяина приглядывать за зелеными первокурсниками. А я не хотела никакой свободы, я хотела обратно в академию. Из меня получилась на удивление несвободолюбивая рагра.

– Да? – рассеянно переспросила я, вглядываясь в кусты, пока не надумавшие расставаться с листвой. Осень в эти края еще не пришла.

– Если бы была хоть какая-то опасность, первокурсников бы сюда не водили. – Аспирант улыбался. – К тому же мы вас страхуем. Если что-то случится, Ластер даст знать.

– О...

Так его ивст не отдыхал, он работал.

Озерная система, к которой мы подошли, состояла из восьми озер, три из которых соединялись между собой каналами. Из леса профессор вывела нас как раз к срединному озеру. Тихое, уютное место.

Прикрыв глаза, я полной грудью вдохнула влажный воздух, наполненный запахом воды, земли и мокрых, напитанных влагой растений. Белые, выглядывающие из воды цветочки трифоли терялись на фоне густых зарослей камыша и рогоза. Вдалеке от берега, на тихой глади воды, можно было разглядеть даже кувшинки.

Я была в восхищении, все студенты были в восхищении, даже Йонге с довольной улыбкой рассматривал мирный пейзаж. Только профессору была чужда умиротворенность этого места.

– Внимание! Задание для вас: найти гнездо вельвеса. Нечисть не пугать. Напуганный вельвес на несколько дней покидает кладку. – Обведя нас суровым взглядом, Эльсар одной фразой мотивировала всех на поиски. – Тот, кто сможет

принести мне вельвеса, получит промежуточный зачет автоматом.

Атави, топтавшаяся рядом со мной, только фыркнула:

– Как же. Она каждому первому курсу такое условие выдвигает. И знаешь, сколько автоматов она поставила? – Не дожидаясь реакции с моей стороны, ответила: – Ни одного. Никто так и не смог выполнить задание!

Оглядывая пологий берег, поросший густыми зарослями, я уже прикидывала, как буду выманивать нечисть. Вельвесы, конечно, пугливы, но очень любопытны и общительны. За пределами своего гнезда.

– Приступайте.

Студенты разбрелись вдоль берега. Аспиранты остались рядом с профессором, зато их нечисть не сидела на месте, шурша в кустах.

Вода в озере оказалась прохладной, и это было, в общем-то, приятно. Неприятно было другое: дно озера, забранное илом, который очень противно просачивался между пальцами. А будь я рагрой, ничего бы и не почувствовала.

– Драгхар, ты что творишь? – удивились сзади. Удивлялся кто-то из студентов. То ли Вилстар, то ли тот темненький, имени которого я так и не запомнила. Со своими одноклассниками я почти не общалась и даже не пыталась запомнить их имена. – У нас задание, а ты прохлаждаешься.

– Вот и выполняй свое задание, – огрызнулась я, очень в этот момент напоминая себе Наю. – И не мешай мне.

– Замерзнешь, заболеешь, так тебе и надо.

Слева что-то булькнуло. Летучая рыба охотилась на мошкару и, в стремлении набить брюхо, не обращала внимания на окружающий мир.

Не очень предусмотрительно с ее стороны, зато мне на руку. Следующая беспечная рыбеха и не поняла, откуда к ней подкралась неприятность. Схватив ее уже в полете за скользкие, жесткие плавники, напоминавшие крылья

стрекозы, я оказалась с ног до головы обрызганной, но счастливой обладательницей вкусненькой приманки. Сама бы съела, честное слово, если бы в академии меня так хорошо не кормили.

Выслеживала и ловила рыбку я минут десять, оставшиеся же сорок бродила по колено в воде, безвозвратно вымочив не только брюки, но и рубаху, давно позабыв, где оставила свои сапоги, и полностью пропахнув рыбным духом.

Старания мои были вознаграждены.

Гнездо со спящим вельвесом я нашла в самых густых зарослях рогоза. Чешуйчатая гадость лежала на сплетенном из стеблей полу, опустив хвост в воду. Нечисть спала без задних лап, просто бессовестно дрыхла, привыкшая к тому, что самый страшный хищник на всю округу – это она и пара лисиц, которые вельвесов в принципе не ели. Слишком уж жесткое у них мясо, отдающее болотной тиной и застоявшейся водой. Тухлый кролик – и то вкуснее будет.

Мое приближение нечисть проигнорировала, но запах свежей, совсем недавно прекратившей трепыхаться рыбки, которой я осторожно водила перед зубастой, тупоносой мордой, не заметить просто не могла.

– Угр-р-р? – прострекотал вельвес. Защитная пленка соскользнула с глаз. Вертикальный зрачок резко сократился до тонкой щелочки.

– Иди сюда, – мягко позвала я, отступив на шаг. Главное – выманить его из гнезда, дальше должно быть проще.

Вельвес протянул ко мне тощую перепончатую лапу. Завидовать длине его когтей я не стала, просто не до этого было.

Нечисть оказалась совсем не пуганой, что только облегчало мне задачу. Вельвеса перед светлые очи профессора я притащила за пятнадцать минут до конца занятия. Вообще, уйти мы должны были еще десять минут назад, но когда все увидели, как я медленно отступаю к ним, а за мной, влюбленно глядя на рыбу, бодро плывет нечисть, про время сразу забыли.

– Вот.

Уронив рыбину у ног Эльсар, я с умилением смотрела на то, как вельвес с утробным рычанием вцепился в свою законную добычу, игнорируя наши взгляды.

– Молодец. – Профессор подняла на меня удивленный взгляд. – Драгхар, верно?

Я гордо кивнула, довольная собой. Сейчас я ее не боялась, слишком сильно радовалась.

В академию вернулась не просто довольная собой рагра, но счастливый человек, которому не придется зубрить неестествознание и трястись перед зачетом. В этом семестре... А вечером попала в кабинет директора. Принимала поздравления и шалела от обрисованных Арранушем перспектив.

– Эльсар очень тебя хвалила. Говорила, что ни один из ее студентов еще не додумался выманить вельвеса.

– Конечно, мы же на прошлой неделе проходили озерную полухищную нечисть и изучали их повадки на примере талий, которые, в отличие от вельвесов, совсем не любопытные и очень трусливые. Потому-то вместо того, чтобы чем-нибудь заинтересовать, нечисть банально пытались поймать.

Я и сама не сразу заметила, как голос мой окреп и обогатился какими-то назидательными нотками, а когда заметила, смущенно замолчала.

Аррануша это почему-то развеселило. Посмеиваясь, он несколько мгновений тревожил меня оценивающим взглядом.

– И все же, я в тебе не ошибся.

И вот вроде бы на похвалу похоже, но мне вообще лестно не стало.

– Совсем скоро сессия, – Аррануш сел удобнее, – и я не сомневаюсь, что ты все сдашь. Потому у меня к тебе есть предложение.

Я внимательно слушала директора, готовая к чему угодно, кроме, пожалуй, того, что он мне предложил.

- Предлагаю тебе провести зимние каникулы в столице.

- Что?

- У меня там есть домик...

- Подождите, а Илис?

Хозяин же обещал мне горы!

- Илис собирается с линормом в горы. - Аррануш поморщился. - Не думаю, что тебе это будет...

Наверное, не очень вежливо перебивать человека, особенно несколько раз подряд, но когда дело касалось моего будущего, не до вежливости.

- Я хочу с ним!

- Морра, ну что ты забыла в горах? - удивился Аррануш.

Он, кажется, решил воспринимать меня исключительно как человека, отказываясь принимать во внимание мою природу. А я не могла отказаться от своей рагровости. И не хотела.

- Отдыхать буду, - уверенно заявила. - Илис мне обещал.

Директор был совсем не доволен моим ответом, но настаивать не стал, благоразумно решив не нагнетать атмосферу.

- Хорошо, в этот раз я готов пойти тебе навстречу, но в будущем хочу надеяться на твою сознательность.

- Это все, конечно, замечательно, но там завтрак уже десять минут как идет.

Я выразительно покосилась на часы, прекрасно понимая, что не могу ничего ему обещать. Сознательность – это не то качество, что может прижиться у рагры. Позабыв уже, что утром мечтала оказаться даже рядом с ним, лишь бы не покидать академию, я хотела сбежать от директора.

Меня торжественно отпустили в столовую, издевательски пожелав приятного аппетита.

* * *

До еды без приключений дойти я, конечно, не смогла. Вернее, до столовой-то я дошла спокойно, а вот уже там, у дверей, топтался блондинистый и темноглазый Йонге.

– А я уж боялся, что пропустил тебя, – с обезоруживающей улыбкой встретил меня он.

– Э-э-э... привет... Еще раз.

– Привет, привет, – нетерпеливо поддакнул Йонге, подхватив меня под руку. – Не против поужинать со мной?

– Вообще-то, – я видела, как наше появление в столовой заметили, как Ная толкнула Илиса, а тот, недовольный увиденным, медленно поднялся из-за стола и совсем уж нахмурился, когда я жестом попросила всех оставаться на своих местах, – меня там ждут.

Йонге заметил мрачного Илиса, тихо хохотнул, но меня не отпустил и со словами «а где наша не пропадала» потащил к раздаточному столу. Под тем же злым взглядом хозяина он отконвоировал меня в самый дальний угол столовой.

– Морра, у меня к тебе дело. Нужна твоя помощь, – торжественно начал он, но растерянно замолчал, удивленный моей неожиданной ре-акцией.

Я отсмеялась, вытерла набежавшие на глаза слезы, и только после этого он неуверенно – спросил:

- Все в порядке?

- Стыдно признаться, но я даже испугалась.

Перестав подхихкивать, я подвинула тарелку с супом поближе к себе. Тесное общение с Наей не могло не сказаться на моем мировоззрении, и я серьезно опасалась, что он мне тут сейчас если не в любви, то в искренней симпатии начнет признаваться. - И что у тебя за дело?

- Я заметил, что ты неплохо разбираешься в нечисти, и был бы очень благодарен за помощь.

- Помощь?

- У меня здесь брат учится, - как великую тайну сообщили мне, - младший. Он недавно подчинил себе нечисть, но что-то у них не ладится. Если так и дальше пойдет, завалит боевки.

- А я чем помочь могу?

- Возможно, ты могла бы что-нибудь посоветовать.

- Что? - глупо переспросила я.

Йонге пожал плечами, но очень настойчиво просил хотя бы попробовать. Его не смущало даже то, что я первокурсница.

- Никому еще не удавалось получить автомат у Эльсар.

Успокоился он только тогда, когда я пообещала «хотя бы попробовать».

Широко улыбаясь, он накрыл ладонью мою руку и сжал.

- Спасибо. - И тут же пообещал, желая, видимо, хорошенечко меня замотивировать: - Вы в следующем году начнете отвары и всякие зелья варить, я покажу тебе места, где лучше всего травы собирать.

- У меня может ничего не получиться, - предупредила осторожно, но не нашла понимания в его глазах. Йонге почему-то верил, что я сумею помочь.

- Все равно покажу, - непреклонно заявил он, даже не думая выпускать мою руку.

- Спасибо.

Трогательное мгновение моего скромного счастья прервал Илис:

- Морра!

К нам приближался очень злой хозяин. Прямо бешеный какой-то. Он несся на нас, и взгляд его ничего хорошего не сулил.

Меня вздернули за шкурку, подхватили поднос и потащили к столу, за которым Ная и Керст с азартным огоньком в глазах следили за представлением, пообещав на прощание Йонге:

- Еще раз рядом с ней увижу - руки переломаю.

У кого-то было плохое настроение, что неудивительно. Недосып, он даже из такой душки, как я, может сделать зверя, что уж говорить о моем психованном хозяине. Но Йонге не убоился, лишь улыбка слегка поблекла, когда он осознал, что это все же была не угроза, а предупреждение. Сильно, видать, братика своего любит, раз так радуется даже призрачной возможности ему помочь... несмотря ни на что.

Я даже немножечко завидовать стала, особенно когда Илис меня усадил и грохнул подносом об стол. Вот сразу видно, что он меня совсем не любит.

- Э-э-э, Илис? - опасно позвала Ная. - А ты бы успокоился.

- Я совершенно спокоен, - соврал хозяин, сложив руки на груди и продолжая надо мной возвышаться. - Просто хочу понять: она сюда учиться пришла или в отношения играть?

- Вообще-то, это можно неплохо совмещать, - миролюбиво заметил Керст.

- Только не ей.

Я думала, что буду молчать, что пережду внезапную вспышку агрессии драгоценного хозяина, но такое ущемление моих прав просто не могло остаться без внимания.

- Чего? - Я вскочила, больно ударившись коленкой об стол. Поднос опять зазвенел, чашка опрокинулась, но это было не страшно, все равно весь чай из нее расплескался, еще когда Илис поднос ставил. - Да чтоб ты знал, я прекрасно учусь! Я единственная в группе уже успела автомат заработать. Да у меня еще целых девяносто шесть баллов есть! А ведь до сессии осталось всего ничего!

Кажется, я немножечко, самую малость, совсем чуть-чуть... очень громко орала, потому что в столовой стало совсем тихо и все удивленно смотрели на меня.

- Кхе...

- Выговорилась? - холодно спросил Илис.

Спасла меня от дальнейших разбирательств Ная. Потому что я не выговорилась и планировала орать дальше.

- Не хотелось бы смущать Морру, но это сильнее меня. - Подперев щеку ладошкой, она просительно посмотрела на Илиса. - Если вы так же бурно мириться будете, можно мне поприсутствовать?

Под злым взглядом хозяина она не смутилась и пообещала:

- Я буду тихой-тихой, вы и не заметите.

- Он гад, и я не буду с ним мириться!

Тайс почему-то заржал, и даже Керст улыбался, зато Илис сразу как-то успокоился и вполне мирно велел:

– Садись и ешь.

Спорить я не стала, но про себя решила Илису ничего не рассказывать.

А ведь так хотелось похвастаться, что у меня уже даже аспиранты помощи просят.

* * *

– Ну и по какому поводу будут сегодняшние рыдания? – лениво поинтересовался Кадай. Растянувшись на песке, он без всякого стеснения опустил голову на мои колени, проигнорировав недовольное ворчание Рована. – Шею почеши, у меня линька с-с-скоро. З-с-с-судит все.

Линорм, на которого я опиралась, со всеми удобствами разместившись в его вольере, лишь тяжело вздохнул.

– Кто сказал, что я буду рыдать?

– Ты только за тем и приходишь, чтобы поплакаться нам о своей тяжелой доле.

– Тебя здесь никто не держит, – обиделась я, сталкивая его голову со своих колен, – можешь ползти в свой вольер.

– Не толкайс-с-с-ся, чеши. А я, так уж и быть, готов тебя выслушать.

– Я совета пришла спросить, – проворчала обиженно, но просьбу аспида выполнила. Чешуя на ощупь была теплой, я ощущала, как шкура в некоторых местах отделилась и теперь непривычно шевелилась под пальцами. – Меня об одолжении попросили. Помочь с подчиненной нечистью. И я согласилась.

Рован молчал, Рик молчал, и только Кадай – издавал какие-то странные звуки. Шипение его больше всего походило на змеиное мурлыканье, при условии, что змеи умели бы мурлыкать.

– А потом узнала, что нечисть – крачитт.

– И?

– Я не смогу это сделать. Крачитты разорили наше гнездо, я...

Не договорив, замолчала, не в силах справиться с чувствами.

Утром Йонге представил меня своему брату, а тот, счастливый от осознания, что ему помогут, отвел меня к вольеру. Шестой слева от входа, сумрачный и серый, состоящий из неровной, каменистой породы. Горная, скудная на зелень местность была мне хорошо знакома. Когда-то я родилась в таких же местах.

Брата Йонге звали Нарге, его нечисть не стремилась отзываться на кличку Талас и была крачиттом. Огромным, хищным монстром.

Побывавший не в одной схватке, с порванным ухом, с которого кто-то откусил кисточку, располосованной мордой и жуткими, звериными глазами. Он не был похож на высшую нечисть, скорее на мой самый страшный кошмар.

– Боишься? – закончил за меня Кадай, когда пауза неприлично затянулась. – Видел я крачитта. Пацану эта нечисть не по силам, он не сможет ее подчинить.

– И что тогда делать?

– Постарайся объяснить ему всю его природную тупость. Пусть снимает привязку и избавляется от крачитта.

* * *

Я была с Кадаем полностью согласна и даже попыталась сделать так, как он советовал, вот только Нарге не хотел ничего понимать. Стоило только заикнуться о том, что нечисть нужно заменить, как этот ненормальный потащил меня к вольеру и ткнул пальцем в стекло.

Там, на валуне, в полудреме, застыл Талас.

- Да ты на него только посмотри. Где я найду нечисть лучше?

Приоткрыв один красный глаз, крачитт злобно уставился на меня.

- Боишься его, да? - догадался Нарге.

- Здоровый, исправно функционирующий инстинкт самосохранения не позволяет не бояться, - призналась я, озабоченно покосившись на кадета. - А вот у тебя он, кажется, сломался.

Нарге улыбнулся и приобнял меня за плечи.

- Я справлюсь с Таласом, вот увидишь.

- Йонге так не считает.

- Йонге - перестраховщик.

Крачитт показал длинные желтоватые зубы - острота клыков просто поражала воображение. А я как-то отстраненно, просто и совершенно спокойно приняла тот факт, что в виварий без хозяина я больше не пойду. С инстинктом самосохранения у меня и правда все было в полном порядке.

Илис, в лучших традициях кары небесной, появился как раз в тот момент, когда его не ждали. В смысле, подумать-то я о нем подумала, но никак не ожидала услышать раздраженное:

- Ну я же тебя предупреждал.

Рука Нарге с моего плеча исчезла, а я едва успела повиснуть на хозяине до того, как хрустнула кость, и боевику резко потребовалось в лазарет.

- Ты... - Я вцепилась в Илиса мертвой хваткой и очень страшно зарычала, словно и не рагра вовсе, а какой-нибудь большой и страшный варс. - Ты что творишь?

- Я предупреждал, но он меня проигнориро...

– Да это Йонге был, Йонге! – громко и очень эмоционально возмутилась я, хотя не могла не признать, что братья просто удивительно похожи – их можно было принять за близнецов, не будь Нарге почти на четыре года младше.

Илис, начав что-то понимать, присмотрелся внимательно к своей жертве и неуверенно спросил:

– А это?

– Нарге! – Не знаю, что меня дернуло, но я мстительно добавила: – И его ты еще не предупреждал!

– Северяне между собой очень похожи, – извиняясь, пробормотал Илис, осторожно отпустив руку конкретно ошалевшего кадета.

– И это повод калечить ни в чем не повинных людей?! – взъярилась я, не спеша отлипнуть от хозяина.

– Откуда я мог знать, что ты привлечешь внимание сразу нескольких тиверцев? – огрызнулся он, предпринимая бесплодную попытку стряхнуть меня с себя. И тут же заметил: – А этого могла бы и сама предупредить!

Я чего-то решительно не понимала. Например, почему это он на меня наезжает. Но продолжать спор при постороннем было странно, и я промолчала, одарив Илиса злым взглядом.

Являя собой твердокаменный образчик редкого алатарийского дуба, который ничем, кроме гаторских топоров, считавшихся самыми острыми и крепкими, не возьмешь, хозяин остался равнодушен к моим взглядам. Отцепившись от него, я попыталась вновь встать рядом с Нарге, но не свезло. Совсем незаметно Илис оттеснил меня в сторону и, встав между нами, поинтересовался:

– Что делаете?

– Илис, а вот что бы ты делал, если бы твоей подчиненной нечистью был этот монстр и он отказался тебе подчиняться? – задала я животрепещущий вопрос, пока Нарге подозрительно косился на хозяина.

– Отказался подчиняться мне? – переспросил хозяин, и было в его голосе столько искреннего удивления, что сразу стало ясно: он такое развитие событий не мог себе даже представить.

Но у нас-то тут сидел вполне себе материальный и очень мятежный крачитт, и я точно не собиралась налаживать с ним контакт. А потому, хотел Илис того или нет, но ему придется представить эту чисто гипотетическую, но такую проблемную ситуацию.

– И все же?

– Если представить, что такое вообще возможно... – задумчиво протянул Илис, рассматривая Таласа.

Нечисть же полностью игнорировала как своего, так и моего хозяина, и смотрела исключительно на меня. Неуютно под этим взглядом было очень. Я прямо чувствовала себя не человеком и даже не рагрой, а одним целым, сочным и свежим, очень вкусным куском мяса.

Если бы моя паранойя прогрессировала достаточно быстро, я бы решила, что этот матерый монстрище знает, кто я такая, и с удовольствием бы показал мне мое место. А, как известно, место каждой рагры – в желудке крачитта.

– Представь, представь, – чуть нервно попросила я.

– Сообщил бы обо всем Атари, – пожал плечами Илис, строго посмотрев на Нарге. – Ты профессору о своих сложностях с нечистью говорил?

– Обращался, – приуныл Нарге. – Он велел снять привязку и подчинить кого-то другого. Пообещал даже лично отправиться со мной.

– Вот видишь, даже профессор понимает, что ничего хорошего у тебя с этим крачиттом не выйдет, – с облегчением заметила я.

Стыдно признаться, но я была рада, что с этой подчиненной нечистью действительно что-то не так, раз даже Атари предлагает от нее избавиться.

Дикий, опасный хищник. И вот тут возникает вопрос: а отказался ли крачитт от человеческого облика? Судя по его потрепанности, свое нечистое совершеннолетие он уже давно отпраздновал.

- Я бы на твоём месте сделал так, как предложил Атари. Этого, - кивнул на нечисть хмурый Илис, - только подчиняющее плетение остановит. Но оно тебе надо, постоянно жить в напряжении и ждать нападения собственной нечисти?

- И все-таки я попробую, - пробормотал Нарге.

Непробиваемое баранье упрямство - отличительная черта боевиков. Мне кажется, их в городе даже без кадетской формы можно узнать. Просто по дебильному огоньку неестественного упрямства в глазах.

Глава третья. Критическая

Жизнь удалась - это когда ты лежишь в своём гнезде с набитым пузом и осознанием того, что в лесу есть ещё десять схронов с запасами, а ночью на соседней поляне волчья стая задрала оленя, но почему-то есть не стала, и все это мясо теперь твоё.

Так вот, жизнь удалась - это когда ты сытая рагра, а не невыспавшийся, нервный и уже совсем неадекватный человек с лезущими из ушей знаниями и непроходящим потрясунчиком.

Моя жизнь совсем не удалась.

Я слышала, как Ная встала, как, стараясь не шуметь, собралась и упорхнула на экзамен: сутки в каких-то непроходимых болотах, без магии и посторонней помощи. Я так и не смогла запомнить правильное название этого её предмета - что-то связанное с выживанием в экстремальных условиях.

Для себя эти её занятия, после которых сильная и ловкая волчица возвращалась в синяках и порезах, я называла выживательными и искренне сочувствовала посмеивавшейся надо мной Нае.

С тихим щелчком за ее спиной закрылась дверь, а я даже не думала вставать.

Сессионная неделя подходила к концу, я уже почти профессионально косила под старательную студентку и гордилась двумя крепкими четверками и одной хиленькой, вымученной тройкой по основам этикета. Как утверждал Аррануш, мне это очень пригодится в будущем, как и всем студентам его академии.

Я не совсем понимала, чем мне может помочь в жизни знание по сервировке стола. Зачем вообще сервировать стол? Если еда вкусная, то она и в глиняной миске не потеряет свой вкус, а если на тарелку из тонкого таларийского фарфора свалить ту же спаржевую капусту, вкуснее она не станет.

Собственно, именно за такие размышления тройку мне и поставили.

А впереди ждал самый последний экзамен, после которого жизнь должна была наладиться. Пускай всего на две недели, но я могла опять вернуться в свою пушистость.

Вот только что-то было не так. До экзамена оставалось часов пять, я могла еще поспать, отдохнуть, набраться сил, не подрываясь с кровати в шестом часу утра, под громкие призывы Наи просыпаться.

Казалось бы, у меня наконец-то появилась возможность по-настоящему отдохнуть... Если бы не странная, тянущая боль внизу живота. Она пришла как-то незаметно, мягко окутывая горячим, беспокойным одеялом часа два назад, заставляя проснуться и тревожно вслушиваться в вой метели за стенами академии.

Уснуть уже не получилось. Боль сама по себе была не такой сильной, чтобы лишить сна, зато пришедшее вместе с ней беспокойство оказалось в состоянии сделать и не такое. Ощущение грядущих неприятностей, что может быть неуместнее утром последнего дня сессии?

Провалившись до семи часов, мучаясь больше от страха, нежели от боли, я как-то очень неудачно повернулась на бок. Нет, искрутиться в постели я успела основательно, в стремлении найти максимально удобную позу, в которой дискомфорт бы попросту исчез. Одеяло туго спеленало ноги, а простыня сбилась

к стене, но именно сейчас, когда укрывавший меня край чуть соскользнул вниз, в тихой и такой уютной, очень располагающей ко сну, комнате, я почувствовала знакомый, оставляющий на языке медный привкус запах крови.

Было сложно сказать, почему я в одно мгновение оказалась на ногах, морозя голые пятки об холодный камень пола.

Тупая, навязчивая боль, словно только этого и ждала. Свернувшись тугой, огненной змеей, она резко сжалась, заставляя согнуться пополам, хватая ртом воздух. А на простынях, пробуждая страх, темнело кровавое пятно. Подумалось почему-то, что я умираю. Больно, кругом запах крови и это пятно опять же.

Следующий час, забившись в угол и раскачиваясь из стороны в сторону, я мучилась от боли, которая с каждым мгновением, казалось, становилась лишь сильнее, и от осознания того, что жить осталось недолго.

Когда Илис пришел за мной, чтобы отвести на завтрак, то, должно быть, очень удивился, не дождавшись моей радостной персоны, порывисто открывшей дверь на его привычное постукивание.

В комнате царила мертвая тишина.

– Морра? – позвал он, еще раз легко стукнув костяшками пальцев в дверь.

Я молчала, лишь тихо поскуливая, когда боль становилась особенно колючей: казалось, в животе у меня поселился еж. Теперь он медленно и размеренно дышал, и от каждого его вдоха мне хотелось выть.

– Если ты проспала... – начал Илис, открывая дверь, которая, конечно же, была не заперта.

Дверь открылась, Илис увидел пустую постель, а я так и не узнала, что бы он со мной сделал, если бы я проспала.

– Морра?

– Илис, а я завещание не написала.

Я не чувствовала ног, спина и плечи замерзли, но всю степень своего переохлаждения смогла ощутить, только Илис обнял меня за плечи, помогая подняться с пола.

- Какое завещание? Ты о чем?

- Мне больно и кровь кругом. - Уткнувшись лбом в его грудь, я тихонечко заплакала. Не от страха, скорее от безысходности всей сложившейся ситуации. - Умираю я... кажется.

Сказала и сама не поняла, откуда это оптимистичное «кажется» взялось... Не иначе хозяин его с собой притащил.

Илис решительно потащил меня к кровати.

- Откуда такие мысли?

- С-с-симптомы отравления цикутой и восником.

- И где бы ты их успела попробовать? - скептически спросил он.

- Не знаю, - прошептала я, старательно отворачиваясь от кровати.

Мы молча стояли над ней, пока Илис растерянно рассматривал испорченный матрас, а я просто обессиленно жалась к нему. Низ живота болел до тошноты, до темноты в глазах. До крика.

Но я не кричала, я же рагра, а мы создания тихие. Наглые и бесцеремонные, но тихие.

- Кажется, нужно звать отца, - признался Илис.

- Все так плохо?

- Нет, - меня одарили растерянной улыбкой и нервным поцелуем в макушку, - просто я морально не готов рассказывать тебе про особенности женского

организма.

- Что?

Усадив на кровать и замотав в одеяло, Илис уверенно сообщил, глядя мне в глаза:

- Ты не умираешь.

- А по ощущениям - очень даже да.

- Отец тебе все объяснит, - пообещал он и ушел.

Хозяин сбежал, а я осталась. Лучше бы, наверное, так и сидела себе в одиночестве и не видела ошалевшее, но какое-то неприятно радостное лицо Аррануша.

- Да быть такого не может, - высказалась Илли и затихла, круглыми глазами глядя на меня.

- Ты говорила, что нечисть в человеческом облике бесплодна, - с укором заметил Аррануш, не отрывая от меня не менее круглых глаз.

- Бесплодна, - ухнула сова.

- Но у Морры все процессы в норме. - На меня указали рукой и тихо, не веря в свое счастье, прошептали: - Что, если она способна родить?

Илли нахохлилась, Илис нахмурился, а директор, не замечая ничего вокруг, глазами влюбленного маньяка смотрел на меня.

- Новый вид.

Мечты Аррануша о человекоподобной нечисти прервал злой хозяин.

- Мы не будем проверять ее плодовитость.

– Конечно-конечно, – согласно закивал Аррануш, – сначала ей нужно выучиться, но потом...

– Слушайте, вы меня пугаете! – слабо возмутилась я.

Экспериментатор чуть смутился, отвел взгляд и попросил:

– Морра, собирайся, необходимо отвести тебя к врачу.

– Зачем?

Мне было больно и плохо, и я совершенно точно не хотела никуда идти. Даже не потому, что стоять было больнее, чем сидеть, просто имелись подозрения, что не дойду.

– Полагаю, тебе нужно обезболивающее и... – Аррануш замялся, помахал рукой в воздухе и неопределенно закончил: – Всякие эти женские штуки.

Разумеется, мое желание остаться в комнате никто не принял в расчет. Деликатно оставив меня собираться, директор покинул комнату, утащив с собой недовольного сына.

– Штуки, – ворчала я, но ворчала тихо, потому что дверь в комнату была приоткрыта, а там, в коридоре, топтались два Грэнара, дожидаясь, когда я оденусь. – Обезболивающее. Топор мне нужен, чтобы от всяких психов отбиваться... Штуки, мамочка моя пушистая.

Пальцы мелко дрожали от нервного перенапряжения, живот болел уже не переставая, заклинившись в высшей точке непередаваемых ощущений, да и само тело казалось чужим, и ощущалось, словно надетая не по размеру одежда.

– Морра, – обеспокоенно позвал хозяин, и руки у меня опустились.

На то, чтобы натянуть платье и застегнуть нижние две пуговицы, ушло больше десяти минут. Илис уже начал беспокоиться, а у меня еще три незастегнутые пуговицы и не надетые сапожки.

Медленно осев на пол, я заплакала. Страшно было даже представить, что ждет меня дальше – с каждым днем вживание в человеческую шкуру становилось все сложнее и болезненней.

– Морра? – громче позвал Илис.

А мне было все равно, что он за меня переживает, что семейка Грэнаров, застывшая у моей двери – очень странное зрелище, что пол холодный, а запах крови, казалось, въелся в кожу.

Хозяин осторожно заглянул в комнату, увидел меня, не говоря ни слова, вошел внутрь, закрыв дверь перед носом у своего отца, и с каменной рожой перетащил меня на кровать. Потом застегнул пуговицы, на которые у меня не хватило сил, обул и даже взялся за мои волосы, пытаясь соорудить что-то хотя бы отдаленно похожее на приличную прическу.

Я сидела, сгорбившись на краю кровати, и не мешала.

– Надо будет все-таки научиться плести эти проклятые косы, – бормотал он, путая мои волосы только сильнее.

– Илис, с ней все в порядке? – раздалось из-за двери.

Что примечательно, войти Аррануш даже не пытался.

Прекратив мучить мои волосы, хозяин наклонился, опираясь рукой – я почувствовала как проседает матрас под его весом, заглянул мне в лицо и, легко коснувшись губами виска, тихо шепнул:

– Давай-ка взбодрись. Ты сама на себя не похожа.

Я только тяжело вздохнула. Непохожа... Да я себя собой сейчас не чувствовала, какая тут бодрость?

– В порядке, – без всяких сомнений, громко соврал Илис.

Аррануш своему сыну верил больше, чем

моему больному виду, потому всю дорогу до лазарета я слушала очень обстоятельную, полную непонятных терминов, лекцию о некоторых принципах функционирования женского организма, обессиленно висая на Илистаре. До лазарета ему пришлось тащить меня на себе. Ножки не шли.

А в лазарете нас встретила добродушная, улыбчивая женщина, успокаивающе пахнущая травами. Меня передали ей и сбежали. Аррануш сбежал просто так, а Илис, как выяснилось позднее, в столовую.

Заботливый хозяин успел как раз к моменту, когда меня, накачанную обезболивающим и исходящим от лекаря спокойствием, выпустили на свободу. Я чувствовала себя значительно лучше, но от бутерброда, протянутого предусмотрительным Илисом, отказалась. Есть не хотелось. Даже думать о еде не было сил.

Пожав плечами, не пытаясь настаивать, он за ручку дотащил меня от лазарета до моей комнаты, не обращая внимания на удивленные взгляды студентов.

А посмотреть, наверное, было на что. Я, все еще бледная с опухшими от слез глазами и невообразимым безобразием на голове, и хмурый Илис, за руку тянувший меня вперед.

Как оказалось, тащил он меня в общежитие приводиться в порядок.

Полчаса я провела в душевых, стараясь отделаться от раздражающего запаха, потом еще минут пятнадцать возилась с одеждой, пока Илис топтался в коридоре, наотрез отказавшись помогать мне со странными штуковинами, выданными лекарем.

Только после этого я наконец-то смогла немного расслабиться.

Пока Илис неумело, но очень старательно просушивал полотенцем мои волосы, я си-дела прикрыв глаза и просто наслаждалась покоем. Мне было очень хорошо, хозяину почему-то нет.

- Сегодня же еще раз навещу Варна, - решил он, замерев на мгновение.

– Зачем?

– Кажется, я недостаточно хорошо отблагодарил его в прошлый раз.

Я медленно обернулась. Хмурый и какой-то взъерошенный, Илис сжимал в руках полотенце, со зверским выражением лица рассматривая стену над моей головой.

– Вот это сейчас обидно было, – призналась я тихо. А обидеться было на что. Хозяин только что почти прямым текстом заявил, что мое яркое появление в его унылой жизни он считает не радостным событием, а тяжелым наказанием. – Да я твой подарок судьбы!

– Незаслуженный, – поддакнул Илис, вмиг повеселев.

И улыбаться начал, и полотенце мне обратно на голову накиннул, чтобы продолжить свое высушивательное дело, но я была против и отбивалась как могла. Просто заподозрила в этой его улыбке подвох и издевательство.

– Что значит «незаслуженный»?!

– Да то и значит, Морра. Не успел я сделать в жизни ничего настолько плохого, чтобы меня так одарили.

На несколько секунд я просто потеряла дар речи. А Илис сидел, смотрел и улыбался так выжидающе.

– Еще скажи, что не рад моему появлению, – угрожающе предложила я, решив в случае положительного ответа что-нибудь ему откусить. Впрочем, в моем нынешнем положении я могла бы, разве что утопить его в слезах.

– Рад. – Шокировав меня чистосердечным признанием, все же накиннул полотенце мне на голову и быстро поднялся. – Отдыхай. Скоро вернусь и отведу тебя на экзамен.

Медленно стянув с головы влажное, пахнущее шампунем полотенце, я успела заметить лишь, как дверь закрылась за спиной Илиса.

Хозяин не соврал. Пришел за сорок минут до начала экзамена, растолкал меня, заставляя проснуться, вяло поругался, наконец отказавшись повторно заплетать мне волосы, и отконвоировал до аудитории триста двадцать семь, находившейся на третьем этаже и выходящей окнами на виварий. Где и бросил одну, среди напряженных одnogруппников, с трудом дождавшихся, пока моя единственная защита скроется за поворотом.

Илис ушел, а меня прижали к стенке и приступили к ритуальному общупыванию.

После того как я получила автомат у Эльсар, Атави почему-то решила, что я очень везучая, и если меня немного потереть, то капелька моей удачи перейдет и ей.

Потерла. Прямо на первом же экзамене и потерла на глазах у всей группы, игнорируя смешки и издевательские замечания. И получила пятерку.

Перед следующим экзаменом меня щупала уже вся женская половина. Впрочем, им было не привыкать, первые месяцы меня постоянно кто-нибудь трогал. Создавалось даже впечатление, что они чувствуют мою рагровость и просто не могут не потискать. Что они чувствовали перед экзаменом, с горящими глазами щупая меня, где придется, я не знала и, если честно, совсем не хотела знать.

Теперь же меня пытались коснуться все двадцать четыре студента. А я жалась к стеночке и просто радовалась, что группа у нас еще не самая большая.

- На удачу, - торжественно возвестили сбоку, выдернув волосок. Мой родной, нежно любимый волосок! Я взвыла, а Тэваль, накручивая трофей на мизинец, на злой взгляд ответил радостным: - Талисманом будет.

Как умудрилась отбиться от остальных ненормальных, жаждущих получить такой же талисман, так и не поняла. Но к приходу профессора Дарос, что вела у нас историю Даатарского государства, меня загнали на подоконник, откуда я и держала оборону, отбрыкиваясь от особенно упорных студентов. Мои волосы еще были нужны мне самой. Появились даже вполне оправданные опасения, что за оставшиеся два с половиной года обучения меня вполне могут растащить на талисманы.

Несмотря на безумно начавшийся день, экзамен прошел спокойно, а в зачетке появилась первая и единственная, но гордая пятерка. Мне просто очень повезло вытянуть одиннадцатый билет. Первый вопрос оказался про междоусобицу столетней давности, на который я с удовольствием ответила. Видимо, удовольствие было ну очень заметным, так как профессор прервала меня на самом интересном месте, не дав рассказать, как именно в итоге были казнены бунтовщики.

Второй вопрос про экономическую политику начала становления Даатара я пересказывала вяло и не особо вдаваясь в подробности. В основном потому, что подробностей не знала.

Мне было совсем неинтересно, с кем и чем торговало еще совсем слабое и маленькое государство, было откровенно плевать, на каких условиях заключались первые союзы (на невыгодных для нашего государства, к слову), и уж совсем неинтересно было читать о том, как и сколько династических браков приключилось за последние триста с лишним лет.

Вот о завоеваниях Архата Безумного я читала запоем и рассказала бы с удовольствием. Безбашенный дядька выделился не только любовью ко всяким кровавым пыткам, но и военными талантами, которые, вкуче с природной хитростью, помогли ему не просто завоевать большую часть южных земель, что по сей день входили в состав Даатара, но пробиться к морю и наладить торговые отношения с заморскими правителями.

К сожалению, об этом меня не спрашивали.

- Ну что, - стоило только выбраться из аудитории, как сидевшая на подоконнике Атави, легко спрыгнув на пол, подбежала ко мне, - сдала?

- Сдала.

- Чудно-чудно, - улыбаясь, пробормотала она и мотнула головой в сторону толпившихся у окна одноклассников. - Мы хотим сходить в город. Отпраздновать. Пойдешь с нами?

И вот стою я, смотрю на эту улыбку и понимаю, что это вот ее вообще ни разу не заманчивое предложение - именно то, что было нужно Арранушу. Мой шанс

влиться в человеческую жизнь. Отпраздновать успешное окончание сессии со своей группой – что может быть лучше?

Я считала, что лучше будет посидеть в тишине и одиночестве. Или не совсем в одиночестве а, скажем, в компании нечисти. Хорошо знакомой мне, хищной нечисти, которая где-нибудь в лесу такую безобидную рагру, как я, просто – съела бы.

Мне очень надо было к Кадаю, как к нечисти, давно получившей вторую ипостась. Была надежда, что он сможет объяснить, что со мной не так. Слабая, конечно, надежда, но хоть какая-то.

– Прости, у меня другие планы, – сознательно отказалась я от предложения еще чуть-чуть очеловечиться.

– Ну, Морра, как же так...

Атави расстроилась, а из группки студентов, которые и собирались праздновать окончание сессии, послышался радостный голос Тэваля, получившего на экзамене пятерку. Он считал, что все дело в амулете из моих волос, и не поленился поделиться своими предположениями с одноклассниками, из-за чего теперь на меня алчно смотрели восемь пар глаз. А мне как-то сразу стало ясно, что перед следующей сессией придется стричься, иначе ошипают.

– Оставь ее в покое, она небось со своими боевиками праздновать собралась.

– А что им праздновать? – резонно заметила длинная, угловатая и совершенно нескладная Ралайя. – У них сессия еще и не начиналась.

И пока они спорили, является ли завершение моей сессии достаточным поводом для пятикурсников устроить праздник, я решила по-тихому сбежать:

– Я пойду.

Оторвав от себя пальцы Атави, которая вцепилась в меня сразу, стоило только показаться в коридоре, я быстро удалилась.

Идти искать Илиса, чтобы потом еще с час упрашивать его сходить со мной в виварий, я не стала, на это просто сил никаких не было. Да и мозг после всего приключившегося работал плохо.

Потому что если бы он хорошо работал, то я бы не забыла, отчего решила не ходить в одиночку в виварий, и уж точно бы помнила, во что вылилось мое предыдущее необдуманное нарушение данного себе же слова не гулять без хозяина.

В виварии стояла тишина, что неудивительно. Громко здесь было только раз, когда взорвались заклинания в одном из вольеров, а генерал отчего-то решил полакомиться аспидом.

- Морра, а ты что здесь делаешь?

Нарге, показавшийся из хозяйственного блока, тащил за собой тележку, полную инвентаря для уборки. Как правило, кадеты за своей нечистью ухаживали самостоятельно, хотя специальные рабочие, прикрепленные к виварию, все равно были. На всякий случай.

- Вот... навестить пришла, - пробормотала я, с тревогой глядя на полуоткрытую дверь. Конечно, свою нечисть из вольеров повадились выпускать только три хорошо знакомых мне балбеса, остальные предпочитали не рисковать и не таскали опасных хищников за собой по виварию, но кто знает, как далеко способен зайти кадет в стремлении наладить отношения со своим подчиненным.

- К линорму, - понимающе кивнул Нарге.

Я лишь с улыбкой пожала плечами. К Ровану я планировала зайти, но сначала мне нужно было к Кадаю. Только аспид почему-то совсем мне не обрадовался.

- Пушистая, - он лежал на песке, расслабленный и явно сытый, и на мое появление перед своим вольером отреагировал исключительно недружелюбно, - свали, пожалуйста. Я отдыхаю, мне не до твоих переживаний.

Общение с людьми явно шло мне на пользу: бояться больших и рагропитающихся хищников я постепенно отучалась.

– Очень жаль, но тебе придется меня выслушать.

– Не боишься, что я сейчас разозлюсь и съем тебя? – полюбопытствовал он, лениво перекатившись на другой бок. – И никакой браслет тебя не спасет, ты просто не успеешь им воспользоваться.

А я же теперь не просто наглая была, я же еще и бесстрашная теперь, и дело не только в браслете, который так удачно скрывал подчиняющее плетение, но и в том, что Кадай даже не пытался быть убедительным.

Потому я бесстрашно зашла в вольер и даже к аспиду подошла, устроившись рядом с ним на песке. Змей лежал и не подавал признаков жизни.

Я легла рядом, вытянулась в полный рост и зажмурилась от удовольствия.

– Хор-р-рошо.

– От тебя кровью пахнет, – лениво заметил Кадай.

– А вот насчет этого я и пришла поговорить, – призналась я, резко сев.

Боль легко, даже нежно сжала желудок, как бы намекая, что мне сейчас нежелательно шевелиться так неосторожно.

Меня слушали молча, не перебивая и не задавая вопросов, лишь глаза на черной морде медленно округлялись. Под конец рассказа, когда я поведала о том, как в меня вливали обезболивающее в лазарете, аспид не выдержал. Воровато оглянувшись на двери вольера, убедился, что никого там нет, и быстро перекинулся. Со стороны это выглядело забавно. Черная шкура вздыбилась, зашевелилась и сползла на песок, а передо мной, брезгливо стерев со щеки прилипшую чешуйку, уже сидел бледный, но вполне человекообразный Кадай.

– Линька, чтоб ее, – проворчал он, передернув плечами.

– А зачем...

Не дав закончить, он потянулся ко мне.

– Хочу удостовериться, что ты не врешь. – После чего последовало властное: – Снимай.

Кадай дернул меня за ногу, требуя, чтобы я сняла штаны.

– Да сейчас, размечтался!

Быть может, я не так уж и долго была человеком, но точно знала, что неприлично оголяться перед посторонними. Да и хозяин разозлится, если узнает.

– Морра, ты, конечно, все очень правдоподобно описала, но есть одна небольшая деталь, которая опровергает все твои слова.

– И какая же?

Я попыталась вырвать свою ногу, но аспид держал крепко. Словно это и не бледные пальцы сейчас сжимали мою щиколотку, а одно из черных, лоснящихся колец змея.

– В человеческом облике мы стерильны.

– Да-да, Илли говорила, что нечисть в таком виде бесплодна, но на всякое правило можно найти исключение.

– Это непреложный закон природы, Морра. Женщина не может понести. Поверь, я проверял.

– Чего?!

– И с человеческой женщиной проверял, и с нечистью, – с каменной физиономией признался он. Потом странно на меня посмотрел и так задумчиво протянул: – С бракованной рагрой, правда, еще не пробовал...

– Я тебе нос откушу, – тихо пообещала одна бракованная рагра.

Но гад не успокаивался.

- Да брось, Морра. В качестве эксперимента...

- И Ровану нажалуюсь.

Мою ногу тут же отпустили.

- Ну нет, так нет, - поспешно проговорил он. - Но ты точно уверена, что у тебя все женские процессы в активном состоянии?

- Я не уверена, но уверены Аррануш и лекарь, которая меня осматривала.

Кадай хмыкнул и подполз ко мне, чтобы сесть рядом.

- Знаешь, а мне тебя жалко.

- С чего бы это?

- Нечисть с исправно функционирующей человеческой ипостасью... - Приобняв за плечи и тихо, зловеще так проговорил: - Директор твой тебя теперь в покое не оставит. Будешь ты его экспериментальным образцом до конца жизни.

Я невольно поежилась.

За спиной, из коридора, послышалось странное ворчание. Крачитт медленно, с полным осознанием своего превосходства над противником, забираясь в вольер.

- И как только этот кретин его подчинил, - пробормотал Кадай, медленно меня отпустив.

Пока он поворачивался к противнику, я так и сидела, вывернув шею и глядя на незваного гостя. Талас был совсем рядом, большой и безжалостный.

- Ты про Нарге?

– Про него, – подтвердил аспид. – Морра, будь умницей, ползи в кусты.

– А ты?

– А я сейчас покажу этому плешивому уроду, что бывает с теми, кто без разрешения заходит на мою территорию.

И я поползла, не вставая с четверенек, не оборачиваясь и про себя ругая Нарге всеми известными мне матерными словами. Он все же решил выпустить свою бешеную нечисть прогуляться. Неконтролируемую, опасную даже для собственного хозяина. Вот спрашивается, чем он думал?

Ответ был прост и неприятен: ничем. А теперь из-за того, что один кретин решил рискнуть, второй, чешуйчатый и наглый, готовился драться. А умненькая рагра спряталась в кустах и переживала за аспида.

Крачитт бросился первым, рассчитывая на внезапность атаки, но просчитался. Кадай качнулся вперед, чтобы в следующее мгновение взвиться в воздух черной змеей. Десять метров чистых мышц, больше ста килограммов живого веса. Гибкая мощь. Аспид был большим и тяжелым, но летел легко, как шелковая лента.

Когда змей приземлился на крачитта, во все стороны брызнул песок. Сквозь грозное шипение прорывалось злое повизгивание.

Зажав рот ладонью, я следила за тем, как по песку катается шипяще-рычащий клубок.

Кадай все плотнее сжимал кольца, Талас с остервенением когтил его задними лапами, вцепившись клыками в брюхо. Я видела, как сжались его зубы, и сначала испугалась, но крови не было: крачитт вцепился в отмершую шкуру, но еще, кажется, не осознал этого. Зато когтями легко вспорол бок своего противника, очень разозлив Кадаю. После этого Талас недолго брыкался в стальных объятиях змея...

Я никогда раньше не видела, как питается аспид. Вернее, видела уже наполовину прошедший процесс, но вот чтобы так, наблюдать за тем, как пасть

расширяется, становясь все больше, чтобы проглотить сначала голову, а потом и придушенное тело жертвы, мне еще не доводилось.

Нарге подоспел как раз к моменту, когда Кадай проглотил уже почти не шевелящуюся жертву по плечи.

- Ты что творишь!

- Нарге!

Кадет бросился к змею, я, с трудом выбравшись из кустов, кинулась ему наперерез:

- Я убью тебя, кретин!

- Морра? - Нарге притормозил, удивленно посмотрел на меня, а потом сурово велел Кадаю: - Выплюнь.

Тот вопросительно посмотрел на меня, не прекращая заглатывать крачитта.

- Плюнь каку, - попросила я, - тебя и так хорошо кормят, чтобы ты еще какую-то гадость лопал. А после того, что этот устроил, его подчиненной нечистью уже не оставят.

- А что он сделал? - напрягся Нарге.

- Напал, - призналась я, горя желанием прямо сейчас бежать к директору и жаловаться. - Если бы не Кадай, сейчас бы твой Талас меня уже доедал.

Кадай отрыгнул крачитта, исключительно чтобы высказать свое авторитетное мнение:

- Гадость редкос-с-стная, - прошипел он, посмотрел на мокрую, недопроглоченную нечисть и выдал уже Нарге: - Дурак ты, парень. А эту мерзость я бы не обратно в леса отправил, а прикопал где-нибудь.

Потыкав крачитта хвостом, Кадай брезгливо скривился.

Я была с ним полностью согласна, вот только правила для всех были одинаковыми, и не прижившуюся нечисть возвращали в естественную среду ее обитания.

Дурацкие правила.

Глава четвертая. Отрезательная

– Ну, куда ты? – грустно спросила Ная, растянувшись на моей кровати, пока я металась от шкафа к сумке, забрасывая в нее вещи. Не разбирая, что именно кидаю, просто создавая видимость сборов, чтобы в лучших конспиративных традициях оставить все Арранушу и отправиться в горы с дорогим хозяином.

– Домой, – даже не соврала я.

Горы действительно были моим домом: я там родилась и выросла. А то, что Ная посчитала, будто я отправляюсь в дикую деревеньку, расположенную в лесах, из которой меня (какая неожиданность) Аррануш и привез в академию, это уже исключительно ее личные заблуждения.

– Морра, – тоскливо протянула она, – оставайся лучше тут, а? Я в этом году домой не еду. Я тебе город покажу. Я тебе все покажу. Я тебе такое покажу, что Илис ни за что не показал бы.

На мгновение замерев у шкафа, заинтригованная ее словами, я бросила быстрый взгляд за окно, где в предрассветном полумраке кружились редкие снежинки. Увидеть то, что мне никогда не покажет дорогой хозяин, очень хотелось, но горы же... В себя я пришла быстро и закинула последний свитер в сумку, решительно ее застегнув.

– Прости, но нет.

Быть может, я бы и посмотрела на то, что она хочет мне показать, но возможность наконец-то побыть просто рагрой оказалась слишком заманчивой.

Печальный взгляд оборотницы я проигнорировала. Просто не было времени быть чуткой, хотя с каждым днем мне все лучше удавалось правильно реагировать на человеческие эмоции.

– Морра... – простонала она, протягивая ко мне руку, – я тут загнусь со скуки.

Сумка, которую я уже закинула на плечо, полетела обратно на кровать. Уйти просто не получалось. Ная вообще не любила, когда просто.

– Крепись, – велела я, неловко склонившись к ней. Смазанный поцелуй в макушку был признан мною героическим поступком. – Через две недели вернусь.

Ная любила прикосновения и обожала всякие, в общем-то, ненужные проявления нежности. Я, как рагра, могла ее понять. Как человек же предпочитала, чтобы меня лишний раз не трогали.

Из комнаты выходила, провожаемая грустным взглядом самой несчастной волчицы во всей академии, но это не могло меня остановить. Меня уже ничто не могло остановить. Я готова была превращаться в рагру прямо сейчас, даже кожа зудела в предчувствии долгожданного превращения.

Спеша по коридорам в приемную директора, я счастливо забыла и о крачитте, совсем недавно освобожденном от привязки и возвращенном в свою естественную среду обитания, и обо всех этих ужасных женских недомоганиях, которые оставили меня в покое лишь вчера вечером и которые, как утверждал злобный Кадай, еще вернутся. И даже о занятиях, которые возобновятся через две недели... Новые проблемы, новые мучения, новые страхи и много-много людей вокруг.

Сейчас это было не страшно, потому что оставалось очень далеко. Я видела перед собой лишь две недели нечистого счастья.

Пушистая оптимистка.

Аррануш прощаться со мной не захотел. Приняв сумку, он на всякий случай спросил:

- Уверена? Может, останешься?

- Это вы спрашиваете, потому что Вела уехала и некому в приемной сидеть? - осторожно уточнила я, после недолгих размышлений застегнув курточку на все пуговицы, хотя сначала хотела оставить ее директору вместе с сумкой. Пару месяцев назад так бы и поступила, уверенная, что в Морру за следующие две недели точно не превращусь. Но теперь я была умнее и перестраховывалась, как настоящий человек.

- Если ты этого боишься, то обещаю не заставлять тебя работать в твои первые законные каникулы.

Илли, до этого изображавшая свиное чучело, ехидно ухнула, переступив лапами на своем насесте.

- Спасибо, конечно, но я лучше с Илисом...

Директор, конечно, не обрадовался, но стоило мне вновь превратиться в рагру, как его недовольство перестало меня беспокоить. Я снова стала мелкой, слабой и пушистой. И как же это было замечательно! Ветер завывал в пустых коридорах, когда я в радостном нетерпении бежала к виварию, с размаху, без всяких сомнений тараня стены.

Я спешила и не опоздала. К тому времени, как полностью экипированный хозяин вывел генерала на улицу, я успела протоптать в снегу узкую тропинку.

- Опаздываешь...

Мороз колко щипал мокрый нос, и настроение мое очень быстро портилось.

Илис не успел еще ничего сказать, как прямо у него между ног, проскочив в приоткрытую дверь, вывалился утеплившийся и основательно обросший мехом ющ.

– Таки чего мы ждем? – спросил он, хвостом пройдясь по ноге хозяина и оставив три полупрозрачные чешуйки прицепившимися к пряжке сапога.

Вслед за ним, похлопав Илиса по плечу и вежливо, но как-то издевательски, попросив пропустить, вышла и хозяйка юща.

Заподозрив неладное, я сразу же уставилась на Илиса, требуя объяснений. Кадеты со своей нечистью, еще топтавшиеся в виварии, но уже готовые выйти на улицу, совсем не радовали.

В нетерпении ожидая похода в горы, я как-то упустила из виду тот факт, что отдыхать среди снегов мы будем в компании пятого курса. Экзаменационное практическое занятие, чтоб его Кадай пожрал.

Словно услышав мои мысли, огромный черный аспид выполз из вивария, в тревожном предвкушении сверкая глазами.

А я сидела в снегу и чувствовала себя обманутой. Мне обещали двухнедельный отдых, а не это вот унылое издевательство в компании боевиков.

Илис, не замечая моего угнетенного состояния, за шкурку поднял в воздух и торжественно водрузил на свое плечо, чуть снисходительно похлопав по голове.

Он почему-то считал, что свое обещание выполнил.

– Каси? – удивился показавшийся вслед за своей нечистью Керст. – Давно тебя не видел.

– Да я сама себя давно не видела, – пожаловалась ему, заработав неодобрительный взгляд хозяина.

Снег скрипел под добротными зимними сапогами кадетов, глухо хрустел под лапами нечисти и едва слышно шуршал под Кадаем.

Я же, забравшись на Илиса, до портала добралась комфортно, устроившись на его теплом плече.

Помещение было все таким же: закопченные стены, возвышение посередине зала и гулкая, холодная тишина. На платформе, заложив руки за спину, стоял Атари.

Стоило всем построиться рядом с платформой, как профессор заговорил. Короткая его речь совсем не походила на напутственную. Скорее он пытался запугать кадетов, закончив свой монолог устрашающим обещанием:

– Две недели, – прогрохотал он, осматривая показательно сосредоточенные лица, – четырнадцать дней. На пятнадцатый, в полдень, вы должны быть в лагере. Все, кто потеряется или опоздает, будут отчислены.

Раздался недовольный гул среди неуверенных в себе кадетов, затихший сразу же, стоило профессору рявкнуть:

– Я не намерен терпеть в группе беспомощных идиотов, что за пять лет обучения так и не научились выживать в дикой природе! Ясно?!

Тайс, чья насыщенная рыжесть чуть поблекла этой зимой, лишь насмешливо хмыкнул. Он, как и мой безголовый хозяин, верил в свои силы и не боялся завалить самый главный экзамен в этом году.

– Жалко, праздник пропустим, – пробормотал Керст, поправляя рюкзак.

– К кострам подоспеем, тоже неплохо, – попытался утешить его позитивно настроенный Илис.

– К кострам?

Моя заинтересованность хозяина почему-то очень повеселила, но ответа я так и не добила. Жаль, конечно, уже второй год подряд пропускать это их празднество, которое обещало быть очень веселым, но желания превращаться обратно в Морру и бежать к Нае с требованием показать мне все, что она может, и заодно сводить на праздник, все равно не возникло.

Видела я уже, как люди день Зимы справляют.

В деревне для этого специально снег на озере притаптывался, на него выкатывали лотки со сладостями и ставили шатры, а по вечерам на берегу жгли костры. Весь день над озером стоял смех и крики, а такие как я, мелкие да верткие, имели все шансы полакомиться чем-нибудь вкусеньким. Начиная от прожаренного на углях мяса и заканчивая нанизанными на деревянные шпажки тягучими конфетами. Не говоря уже о больших печатных пряниках.

В самый холодный зимний день, на самом крепком зимнем льду, люди чувствовали зиму. И мне просто интересно, насколько сильно отличается деревенский праздник от городского, при условии, что поблизости нет ни одного озера. Только быстроходные реки, на которых даже самый отчаянный не стал бы затевать людное гулянье.

Платформа тихо загудела, когда все кадеты вместе со своей нечистью забрались на нее.

Портал открывал Атари. И как сам профессор, проход этот был тяжелым и каким-то давящим, но незаметно быстрым. За один удар сердца каменные стены, хранившие на себе следы от сотен открытых порталов, сменились лесом. Редким и полностью укрытым снегом. Даже находясь на порталном возвышении, высившемся над землей на добрых полметра, кадеты стояли по щиколотку в снегу.

– Уи-и-и!

Нарушив сонную лесную тишину, я первая покинула платформу. Просто пушистым мячиком соскочила с плеча хозяина в нетронутый ровный снег. С головой уйдя в этот белый холод, достигла относительно плотного участка и оттолкнулась, чтобы взвиться в воздух и снова шлепнуться в снег.

Мне было хорошо, легко и весело. На платформе кто-то смеялся, глядя на меня, но это было не важно. Ничего больше не было важным. Только снег кругом и пьянящее чувство свободы. Я вдыхала этот особый, ни с чем не сравнимый, чистый звенящий воздух, видела горы, возвышающиеся над нами белыми исполинами, и чувствовала себя как дома. Это были не те горы, в которых я родилась, но так щемяще похожи...

Волшебство закончилось быстро и очень обидно. Рик за шкурку вытащил меня из снега, не дав еще немного попрыгать.

– А защитники сейчас в академии свои щиты плетут, – грустно и довольно громко заметила Дари, спрыгнув с платформы и увязнув в снегу почти по пояс. – В тепле.

– У них работа такая, – басовито раздалось ей в ответ, – защищать.

– А у нас – морозить задницу и стараться не свернуть себе где-нибудь шею, – весело поддакнул кто-то.

Рик, игнорируя мои трепыхания и робкие попытки разжать лапками челюсти, гордо побежал к Илису, грудью пробивая себе путь в снегу, пока я болталась у него в зубах и старательно поджимала лапы, чтобы не вспахивать искрящуюся гладь своей пушистостью.

Платформа располагалась не так уж далеко от гор. Кадетам предстоял суточный переход по диким лесам, по пояс в снегу. Сидя на холке линорма, я не считала это такой уж проблемой, но мою точку зрения почему-то никто не разделил.

Одарив злыми взглядами, кадеты промолчали, зато Кадай молчать не стал и предложил мне пройти своими лапами. Благо разумно заткнувшись, я вцепилась в шерсть на холке линорма и больше не высывалась.

Аспиду в лесу было хуже всех. Его холонокровные предки не наделили своего потомка защитой от низких температур, но он пока справлялся, безглаголиво скользя в снегах и лишь изредка выбираясь на поверхность. Впрочем, и у его нечистой выносливости имелся предел прочности. Мне очень хотелось верить, что змей не околеет где-нибудь в горах, не в силах справиться с переохлаждением.

Кадая почему-то моя забота не очень радовала, о чем он и сообщил вечером на привале, когда усталые кадеты разбили лагерь и разожгли костер, планируя зажарить и съесть кабана, пару часов назад успешно отбитого у тресов, на зиму обросших длинным мехом и казавшихся раза в два больше.

Бедный кабанчик, которого сначала преследовала стая волков, а потом тройка собакоподобных тресов, в итоге стал жертвой злых, уставших кадетов.

- Пушистая? – удивился аспид, когда я – вместо того, чтобы руководить разделкой туши, присоединилась к его от мороженному одиночеству.

Кадай устроился в шаге от костра, но все равно мерз, а когда я, забравшись на его кольца, попыталась заботливо обнять, предпринял попытку меня скинуть. – Ты что делаешь?

- Греть тебя пришла.

Такой возмущенной, полуобмороженной змеи видеть мне еще не приходилось. Его чем-то задело мое беспокойство о его заледеневшей персоне.

Сначала Кадай просто неразборчиво шипел, а потом почему-то решил, что это оскорбление может смыть только кровь. Моя.

Вокруг лагеря мы носились минут десять, вытоптали неровный круг и чуть не сбили с ног замешкавшегося кадета.

Погоня закончилась на дереве. Я забралась на самый верх, схоронившись в снежной шапке, чудом удержавшейся на дереве после нашего кронотрясательного подъема по стволу. Кадай висел чуть ниже меня, на толстой ветке, и злобно шипел.

Аспид был слишком тяжелым, чтобы забраться на мою шаткую высоту, а я слишком трусливой, чтобы попытаться перепрыгнуть на соседнее дерево.

Так и сидели мы минут пятнадцать. Кадай шипел и требовал, чтобы я спустилась и ответила за нанесенное ему оскорбление, а я мерзла и ни за что отвечать не хотела. Оказывается, все эти намеки на холонокровность аспида очень оскорбляли, но я-то этого не знала, потому сидела себе по уши в снегу, желая переждать бурю и, если получится, понять, почему никто даже не попытался меня спасти.

И если от других кадетов я ничего хорошего не ждала, то куда смотрел мой драгоценный хозяин, когда меня гоняли по всему лагерю?

Как выяснилось чуть позже, смотрел он прямо на нас и во время нашего забега вместе со всеми наблюдал за представлением, полностью уверенный, что мне ничего не грозит.

– Спускайтесь, – велел Илис, подойдя к облюбованному нами дереву, когда у меня начали ощутимо замерзать лапы, а Кадай шипел уже без бывшего энтузиазма. – Скоро есть будем.

Упоминание о еде оказало чудотворное влияние на аспида. Он мгновенно подобрел и быстро свалился с ветки в снег, вполне дружелюбно позвав меня за собой. Не веря своему счастью, я еще десять минут просидела на дереве, опасаясь подставы. Но пустой живот все же победил мою подозрительность и согнал на землю.

Илис обманул. Его «скоро» растянулось на полтора часа, за которые я раз пять предпринимала попытки захлебнуться слюной. Запах от жарящегося кабана шел просто умопомрачительный, а хлесткие удары по лапам, тянущимся к готовящейся еде, были очень болезненными.

А утром на нас напала стая тресов, не смирившаяся с тем, что наглые кадеты увели добычу прямо у них из-под носа. Нечисть дозорного – огромный ленивый варс – угрожающе зашипел на синеватый полумрак, дрожащий между высоких стволов, когда было слишком поздно. Сигнал тревоги прозвучал в то самое мгновение, как на поляну вывалилось двенадцать тресов.

Один из них, со знакомой отметиной на морде, попытался сожрать меня, белой смертоносной тенью выскочив из заснеженных кустов. Глубокие красные полосы, пересекающие остроконечный нос – горячий привет от Рика, которому показалось, будто нечисть не собирается добром отдавать потерявшего надежду на спасение кабана – давно перестали кровить и на белой шерсти казались вполне естественными, очень симпатичными разводами. Оригинальный окрас, так сказать.

Меченый, заметив мой оценивающий взгляд, не раздумывая, рванул ко мне. Это было не то чтобы совсем плохо, но страшно. И я сделала то, чего не смогла бы

представить даже в самых безбашенных фантазиях пару лет назад: бросилась за защитой к линорму.

Дюжины тресов оказалось недостаточно, чтобы нанести хоть какой-то вред куче кадетов, сопровождаемых подчиненной нечистью, но это нападение открыло боевикам глаза на правду: близ гор, да и в самих горах тоже, жили хищники, которых довольно сложно заметить издали. Слишком хорошо они умели маскироваться и слишком бесшумно способны были красться.

После этого случая по ночам в дозоре оставалось как минимум три человека. А я уже без былого энтузиазма рассматривала заснеженные пейзажи, с беспомощной ясностью осознавая, что человеком-то быть гораздо безопаснее. Пока я бродила по академии Моррой, меня никто не пробовал съесть... кроме арских духов. Но после разговора с директором и они больше не пытались.

Я даже успела забыть, каково это: бояться по-настоящему.

Разделавшись с нечистью, кадеты быстро свернули лагерь, решив перекусить на ходу остатками вчерашнего ужина. Ни у кого не было желания оставаться на поляне, забросанной несъедобными тушами тресов. Кадеты хотели выбраться из леса до полудня.

И это им удалось.

Заснеженные горы – это что-то сказочное. Искрящиеся на солнце, с легкой белесой дымкой тумана и синеватыми тенями. Величественные и прекрасные.

– Мы сдохнем, – совершенно спокойно, я бы даже сказала, флегматично произнес Арис.

Этого кадета я заприметила еще вчера. Он единственный из всей группы был обладателем пернатой нечисти. Большой, снежно-белый, легко теряющийся на фоне зимнего пейзажа, севар являлся нечистым собратом северных орлов и к мелочи вроде меня относился так же, как и любая хищная птица.

Под его оценивающим взглядом мне было не просто не по себе, мне было откровенно страшно. Хотелось выковырять ему эти полупрозрачные желтые

гляделки, цветом напоминающие почему-то цветки горчицы.

- За две недели точно не перейдем, - грустно подтвердили сзади.

Имена всех восемнадцати кадетов, посланных в горы, я так и не узнала. Мне было не очень интересно, а Илис не спешил знакомить со своими одноклассниками.

- И лавины здесь часто сходят... - поддержала упаднический настрой Дари.

Пушок на ее руках, теперь гордо именуемый Разаром, лишь флегматично дернул задней - лапой.

- И нечисти, наверное, полно...

- Знаете, исключение беспокоит меня больше лавин и горной нечисти, - бодро сообщил Керст и первым устремился к горам.

Последние хилые деревца кадеты миновали без всякого энтузиазма. Зато я на горы смотрела со странным нетерпением, от которого внутри что-то дрожало. Чувство было необычным и болезненно приятным.

* * *

- Илис? - осторожно царапнула рукав его куртки, желая, чтобы он проснулся и избавил от неясной тревоги, мешавшей мне спать.

Я честно пыталась бороться со своим беспокойством, долго сидела у костра, грея лапки и вглядываясь в белую, колкую пелену, холодной завесой кружившуюся у низкого, неровного входа. Там, на снежном просторе бушевала непогода, в то время как в облюбованной кадетами пещере было сухо и спокойно.

Уютно трещали уголья в костре, я устроилась на илистом коте рядом с Тайсом, отбывавшим свою дозорную повинность. Рыжему в этом плане еще повезло. Двое других кадетов мерзли у входа в пещеру, засыпаемые снегом и

продуваемые холодным ветром.

Угольки, по которым весело металось жаркое пламя, горели ярко и горячо, и, в отличие от обычных дров, очень долго. Одной горсти среднего размера угольков хватало на всю ночь.

Меняхватило на полчаса. Справиться с набирающей силу паникой не удалось, и я пошла будить хозяина, уверенная, что уж он-то точно сможет меня успокоить.

Три дня пробираясь все глубже в горы, нам как-то удавалось избегать неприятностей. Даже укрытие от непогоды находилось очень кстати. Каждую ночь в горах приключалась просто феерическая метель, но нам, надежно спрятавшимся от буйства стихии, было все равно. Кадетов это даже устраивало. Они почему-то были уверены, что в такую непогоду бояться им нечего. Мол, ни один хищник не рискнет выйти на охоту в такую метель. И тут не важно – нечисть это или обычный зверь.

По какой-то неведомой причине никто так и не вспомнил о блиссах, которые только в метель и появлялись. Бестелесная призрачная нечисть, питающаяся живым теплом и обретающая материальность лишь в такую вот непогоду.

Стыдно признаваться, но я тоже о них не вспомнила. Не встречала еще ни разу и как-то запамятовала, отчего в северной части государства в метель все безвылазно сидят дома. Не от страха замерзнуть где-нибудь в снегах. Вернее, не только поэтому.

– Ну Илис!

Растолкать хозяина оказалось делом сложным. Просыпаться он не хотел, зато стоило мне цапнуть его за палец, любовно выбрав указательный, обтерев на всякий случай снегом и прокусив до крови, как Илис подскочил, дернул рукой, чуть не отшвырнув меня в стену, и зло зашипел:

– Кас-с-с-си...

Никогда не думала, что мое имя может прозвучать вот так вот. Прямо как самое настоящее грязное ругательство.

– Илис, у нас проблемка.

Наверное, я переборщила с трагизмом, или он просто привык, что я вечно паникую, и уже перестал воспринимать меня всерьез, или просто еще не до конца проснулся и плохо соображал, но вместо готовности внимать моим словам, разделять опасения и что-нибудь предпринимать по этому поводу, хозяин раздраженно велел:

– Ложись спать.

– Ты не понимаешь! Что-то не так!

– Что? – терпеливо спросил он.

– Не знаю.

Я всегда прислушивалась к своей интуиции, собственно, потому и прожила так долго, и теперь просто не могла отмахнуться от этого жуткого ощущения грядущей катастрофы.

– Может, стоит затушить костер? – хриплым со сна голосом предложил Керст.

Он лежал недалеко от Илиса и сейчас при-поднялся на локтях, сонно щурясь на меня. Керст, в отличие от моего хозяина, спал не так уж и крепко.

Именно в это мгновение завыл ихр – подчиненная нечисть одного из кадетов, следивших за входом в пещеру.

Блисссы появились неожиданно. Густым снегопадом ворвались в пещеру, и уже внутри, опустив снежную шапку на костер, собрались в тонкие, непропорционально длинные фигуры. Без голов, зато с длинными пальцами, оканчивающимися острыми сосульками. Магические светлячки, тут же зажженные боевиками, окрашивали все в мертвенный, синеватый свет, отчего снежные фигуры казались особенно жуткими.

Я достаточно хорошо видела в темноте, но магическое освещение серьезно мешало. Тени кружились по полу, по стенам, по лицам кадетов и угловатым

телам blissов, не давая сосредоточиться.

Илис отшвырнул меня в сторону, уронив прямо на аспида, которому сообразительный Керст велел немедленно выбираться.

Тот только шикнул и, глухо потребовав, чтобы я держалась, скользнул прочь из пещеры. Его, как хладнокровного гада, убило бы одно-единственное прикосновение blissа. Призрачная нечисть, являющая собой холод и пустоту, легко заморозила бы его холодную кровь. Со мной бы, конечно, повозились, я все же рагра пушистая и очень теплая, мною бы питались дольше. Но мне, как самой мелкой и безобидной нечисти, суждено было бежать вместе с Кадаем.

Выскользнув в метель, он укрылся за одним из сугробов, игнорируя и колющий снег, и пронизывающий ветер, и страшное, режущее завывание ветра. Мы ждали, когда наши победят, растопят тела blissов, превращая их вновь в неопасные тени.

Пещера на первый взгляд просторная и очень уютная оказалась совершенно неудобным местом для сражения. Боевикам пришлось бежать из смертельно опасной для них сейчас – тесноты.

Кто-то из кадетов поставил большой защитный купол, захватив и наше убежище. Защита была слабой – все же плел ее не защитник, а – боевик, но для того чтобы отсечь непогоду, оставив ее биться в тонкие, прозрачные стены, знаний кадету вполне хватило.

Вывалившись вслед за живым теплом blissам неоткуда стало черпать свою силу, что лично мне показалось хорошим знаком. Снег, мирно лежащий под ногами кадетов, по какой-то причине не подходил этой нечисти. Он считался мертвым, словно, когда он касался земли, из него исчезало что-то особенное.

Генерал, как самое действенное оружие против призрачной нечисти, развернулся по полной. Огненные залпы топили снежные тела с завидной легкостью. Остальным приходилось лишь отбиваться от опасных снеговиков, не позволяя коснуться себя или хозяина.

Я почти поверила в то, что самое страшное позади, когда невдалеке раздался страшный, сотрясающий землю вой. Blissы, которых к тому времени осталось

всего двое, на мгновение замерли, синхронно повернулись всем корпусом на запад и просто сбежали, оставив свои снежные тела-одежки безвольными куклами лежать в быстро замерзающей луже – останках их недавно растопленного товарища.

– Забираем вещи и валим отсюда, – скомандовал кто-то из боевиков.

Купол, скрывавший нас от непогоды, лопнул, и весь снег, успевший налипнуть на него за недолгую схватку, опал на нас.

Кадай глухо ругался, пока я выкапывалась из сугроба и старалась не обращать внимания на быстро приближающийся звук чьих-то шагов. Кадеты собрались быстро, решительно уводя свою нечисть прочь от места сражения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/oginskaya_kupava/ne-darenyy-podarok-morra

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)